ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 47 (2430) Суббота, 12 июня 1948 г. Цена 40 коп.

Больше книг, хороших и разных

Партия Ленина—Сталина неослабно, изо дня в день заботится о создании изобилия духовной культуры в нашей стране. В этом важнейшем деле исключительная роль отведена книжным издательствам. Свыше 200 издательств, центральных и местных, выпускают у нас книги на всех языках народов страны; только в прошлом году ими издано 30 тысяч названий книг и брошюр общим тиражом в 540 миллионов экземпляров.

В общей сети наших книжных издательств значительное место занимают национальные издательства братских республик, выпускающие книги на родных языках своих народов. Масштабы их работы ширятся из года в год. Известно, как пострадало от гитлеровского нашествия народное хозяйство Украины, в том числе ее полиграфическая база. Теперь эта база восстановлена, и за два последних года украинскими издательствами выпущено свыше 2.600 книг тиражом в 80 миллионов экземпляров; новые 1.600 книг они издадут в этом году. В Белоруссии за один прошлый год выпущено 2.364 книги тиражом в 8,5 миллиона экземпляров; в Грузии — 980 книг тиражом в 5 миллионов экземпляров, из них 730 книг — на грузинском языке.

Миллионными тиражами в национальных издательствах выходят Сочинения В. И. Ленина, Сочинения И. В. Сталина, отдельные труды классиков марксизма-ленинизма, литература массово-политическая, научно-техническая. Наряду с этим в издательских планах достойное место занимает выпуск художественной литературы — одного из могучих средств коммунистического воспитания масс.

Партийность, высокая идейность литературы — таков незыблемый принцип, на котором основано у нас издательское дело, работа каждого издательства. Исторические постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, а также постановления о работе Огиза и о полиграфическом оформлении книг способствовали значительному улучшению дела выпуска художественной литературы в национальных издательствах. Повысился идейный и художественный уровень изданий на национальных языках, появилось больше произведений, посвященных проблемам современности. Выпущено немало хороших книг писателей братских республик, опубликован ряд новых критических и литературоведческих работ. Многие издательства на языках своих народов выпустили большими тиражами выдающиеся произведения русской классической литературы и современных русских писателей.

Но дело издания художественной литературы, к сожалению, еще не обходится без ошибок и срывов. В многомиллионном потоке книг, поступающих к читателям братских республик, нет-нет и проскользнет вредная, не достойная издания книга. На фоне общего под'ема нашего издательского дела такие факты выглядят особенно вопиюще. Они говорят о том, что не во всех издательствах люди прониклись чувством ответственности за порученную работу, что и по сей день кое-кому присущ губительный недостаток идейности.

В «Литературной газете» уже сообщалось о переиздании в Украинском государственном издательстве художественной литературы порочной книги Ив. Ле «Роман Межгорья». Ошибку такого же рода допустило другое украинское издательство «Радянський письменник», переиздавшее раннюю, не пересмотренную и не исправленную автором повесть П. Панча «Голубые эшелоны». В этой книжке за внешним изображением разложения и краха петлюровщины смазывается классовый, контрреволюционный характер украинского буржуазного национализма.

Недостаток идейности, большевистской принципиальности проявили работники Грузинского государственного издательства, переиздав роман К. Гамсахурдиа «Похищение луны» — роман, пропитанный индивидуализмом; многие его страницы представляют смесь эротики и мистицизма.

Бездумно, безответственно подошло Белорусское государственное издательство к выпуску большого сборника избранных произведений Я. Мавра «Вокруг света». Желая полнее представить творчество этого писателя, работники издательства механически включили в сборник старые произведения автора, в которых идеализируются англо-американские и голландские колонизаторы, а реакционер и американский ставленник в Китае Чан Кай-ши предстает чуть ли не... революционным вождем китайского народа.

Острой и заслуженно суровой критике уже подвергались у нас отдельные литературоведческие работы, протаскивавшие раболепие и низкопоклонство перед буржуазной культурой Запада. Еще одним примером подобных книг служит выпущенная украинским издательством «Мистецтво» монография Е. Старинкевич о драматургии Ивана Кочерги. В монографии содержится формалистический анализ пьес Кочерги, данный без всякой связи их с жизнью, с конкретной исторической обстановкой. Этот анализ построен по схеме реакционного западного литературоведения; оттуда же заимствованы автором все историко-литературные аналогии, космополитическая абстрактность литературных категорий, фальшивая идеалистическая теория «саморазвития» образов, воплощающих якобы «всеобщие» черты человеческого характера.

Появление этих и подобных им порочных книг можно об'яснить только беспечностью и благодушием тех, от кого зависел их выпуск. Очевидно, в практике некоторых национальных издательств не изжиты еще приятельские отношения с авторами, кумовство и чиночитание, притупляющие бдительность издательских работников, смазывающие критику произведений, идущих в печать. Нужно ли говорить, какой вред наносится этим делу коммунистического воспитания народа, сколь велико законное негодование читателя подсовываемой ему негодной книжной продукцией.

Наш читатель требует, чтобы книга, предлагаемая ему, была высокоидейна, ярка и содержательна. Он хочет, с другой стороны, чтобы эта книга была соответственно оформлена. Между тем и с оформлением книг тоже еще не везде благополучно. Поступаясь запросами читателя, некоторые издательства некритически подходят к иллюстрированию своих изданий, позволяя декадентствующим рисовальщикам привносить в книги чуждые советскому обществу настроения.

Печать символизма и иных формалистических извращений лежит на иллюстрации ряда книг, выпущенных Эстонским государственным издательским об'единением. Под чуждый, давно канувший в прошлое германский «югендстиль» сделаны иллюстрации к сборнику сказок «Соловей и медянка», составленному А. Якобсоном (худ. М. Фукс). Нарочито залакированная «натура» в рисунках убивает смысловую, реалистическую сущность изображаемого: люди в иллюстрациях схематичны и тупы. На рисунках В. Карруса к сборнику стихов Ф. Котта «Атака» изображены серые, статичные фигуры советских бойцов и рабочих с искаженными лицами.

Советское издательство является важнейшим участком идеологической работы—эта мысль снова со всей силой была подчеркнута на недавнем совещании работников центральных издательств, созванном при Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Советское издательство должно быть идеологической крепостью, о которую разбивались бы все и всякие попытки протащить идеологию, чуждую нашей партии, нашему народу.

Это, разумеется, в равной степени относится к национальным издательствам, первейшая задача которых состоит в том, чтобы вести неуклонную борьбу против явлений низкопоклонства перед культурой буржуазного Запада и феодально-буржуазного Востока, против буржуазно-националистических пережитков, мешающих развитию литератур братских советских народов.

Успешное выполнение этой задачи требует, чтобы издательство было не отрешенным от жизни ведомством, которое лишь механически переваривает поступающие рукописи, а боевым организующим штабом по выпуску действительно ценных, полезных и нужных народу книг.

Плохо для издательства, когда подбор произведений, намеченных к выпуску, носит случайный характер и определяется подчас не деловыми требованиями, а приходящими обстоятельствами и соображениями «что полегче». Тогда можно и вовсе свести на-нет издание национальной художественной литературы, как это случилось в Киргизском издательстве. Правда, работники его ссылаются на то, что они выпускают много учебников, но ясно, как беспочвенны эти отговорки. Еще смехотворнее отговорки издательских работников Дагестана, где ничтожный выпуск художественных книг пытаются об'яснить трудностями, порождаемыми... многоязычием местной литературы.

Не стоять в стороне от литературной жизни своих республик, не пренебрегать ею, а активно вмешиваться в эту жизнь— вот что требуется от национальных издательств. Вместе с руководящими органами местных писательских об'единений они обязаны идейно и творчески мобилизовать писателей, воспитывать их, настойчивее направлять на разработку тем современности, на повышение идейного и художественного уровня произведений.

Духом воинствующей партийности и высокой идейности должна быть пронизана работа всех звеньев издательского аппарата — от редакционно-художественных советов до редакторов и оформителей книг.

Всемерно способствовать дальнейшему росту и процветанию литератур наших братских народов, давать советскому читателю больше хороших, идейно и художественно полноценных книг — почетная и благородная задача национальных издательств.

Латвийские иллюстраторы книг

В Московском Союзе советских художников состоялся просмотр графических работ художников Латвии. Латвийские графики показали художникам Москвы свои работы в области книжной иллюстрации и оформления книг. На просмотре были представлены книги, обложки, иллюстрации, выполненные двенадцатью лучшими графиками: Г. Вилкс, Р. Дзенис, В. Медведев, М. Карпенко, К. Кроненбэрг, М. Витолиный, А. Дубурс, В. Валдаманис и др.

Глубокая любовь латвийского народа к великой родине социализма и ее передовой культуре находит отражение в больших тиражах произведений русских классиков и советских писателей, издаваемых издательствами Латвии и иллюстрируемых лучшими художниками республики.

Графически строго и выразительно оформлены сочинения В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Хорошее впечатление производят иллюстрации популярных произведений советской литературы. М. Витолиный показал рисунки к роману А. Фадеева «Молодая гвардия» и к повести В. Каверина «Два капитана»; В. Медведев представил иллюстрации к повести В. Катаева «Сын полка» и к сборнику рассказов Б. Полевого «Мы советские люди»; М. Карпенко иллюстрировал книгу Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке»; А. Дубурс—рассказ А. Гайдара «Чук и Гек»; Р. Дзенис выполнил обложку к роману И. Эренбурга «Падение Парижа».

Художники Латвии показали также свои иллюстрации к сочинениям Пушкина, Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Крылова.

Выступавшие на обсуждении художники и критики — лауреат Сталинской премии Д. Шмаринов, А. Гончаров, С. Телингатер, О. Бескин и другие отмечали, что графики Латвии стали на путь реалистического подхода к изображению действительности. Одновременно выступавшие указывали на необходимость более внимательной работы над литературным материалом, более глубокого проникновения в произведения и более целостного решения художественного образа книги.

А. ТВАРДОВСКИЙ

Спец. корр. «Литературной газеты»

Письма с Урала

О столице и «провинции»

1.

— Да, время, — сказал инженер Дубровин, один из старожилов Уралмаша, показывавший мне завод. — Приехали мы сюда молодыми людьми, а теперь наши дети — молодые люди.

Сказал он это как бы только о себе самом, по свойственной еще далеко не старым людям манере подчеркивать свой возраст, но прозвучало это здесь совсем не как обычная фраза о быстротекущем времени. В этих словах нельзя было не услышать той сдержанной гордости за себя, которая дается прямой и длительной причастностью к большому делу, годами, прожитыми со смыслом и сознанием этого смысла.

Непосредственное, глубоко волнующее ощущение нашего исторического времени охватывает душу всякого, кто впервые приближается к главным воротам Уралмашзавода со стороны площади Первой Пятилетки.

Когда-то эта площадь, носящая имя эпохи, уже отошедшей в прошлое вместе с юностью людей моего поколения, была расчищена из-под леса на порядочном расстоянии от Свердловска. Но с годами расстояние между городом и Уралмашем все сокращалось: завод разрастался, рос и город.

Давно, давно Уралмаш перестал быть новым заводом, уже выросли в разных краях страны заводы, оборудование которых сделано на Уралмаше, уже окраска домов здесь приобрела обветренный, потемневший от уральских непогод топ, уже выросли порядочные деревца на бульваре, но в обитых жестокими ветрами вершинах сосен, уцелевших кое-где, еще живет какой-то отголосок глухого, древнего борового шума, что два десятка лет назад — до завода, до трамваев и автомашин — был здесь главной музыкой. Этот еле внятный отголосок дает живейшее ощущение такого недавнего как будто и такого уже далекого начала всего того, что привычно связывается с именем Уралмаша. Во дворе завода на чугунной литой глыбе возвышается танк-монумент, вздыбленный, устремленный. Это образец оружия, что изготовлял завод в годы войны. В танке, герметически заваренном, находится врученное заводу знамя Государственного Комитета Обороны.

Идет третий год первой послевоенной пятилетки, завод вновь строит заводы, и его доля участия в осуществлении плана нашего мирного строительства не меньше того, что сделал он для свершения победы. И весь в целом возраст завода, сравнявшегося своей славой со славой большого промышленного города, предстает ныне таким емким, таким плотно уложенным день за днем, таким исторически знаменательным. Естественно, что слава одного из знаменитейших заводов страны — она и слава инженера Дубровина, как и его сверстников, его подчиненных и его начальников. С таким правом носят люди славу своей воинской части, боевого корабля, особо важного и решающего участка фронта, где им пришлось воевать.

2.

Мимоходом сказанная инженером Дубровиным фраза, так пришедшаяся к первому моему впечатлению от Уралмаша, вызвала во мне одно довольно неприятное воспоминание, с которым я уезжал из Москвы. Не хотелось бы мне ворошить это воспоминание, но ничего не поделаешь — оно мне сопутствовало в течение всей поездки по Уралу, при всех моих встречах и новых знакомствах,—никак я не мог с ним развязаться.

Дня за три до от'езда из Москвы я сидел в гостях у моего старого приятеля и земляка вместе с его женой и их соседом по квартире, студентом-дипломантом, кажется, Энергетического института. Я боюсь осложнить вопрос частностями и деталями вроде того обстоятельства, что этот студент-одиночка, какому по традиции полагается быть жильцом, снимающим комнату или угол у каких-нибудь стариков, был хозяином квартиры, а старики с дочерью-студенткой, отсутствовавшей в тот вечер, — его жильцами.

Молодой человек вышел к нам из-за перегородки, разделявшей просторную комнату старинного дома на две — так, что большая часть лепного круга на потолке с крючком для люстры приходилась на долю семьи моего земляка. Эта комната была проходной: шкаф, ширмочка гармошкой и какая-то занавеска отделяли одну часть этой комнаты от собственно проходной части, где мы и расположились за чайным столом. Я впервые был в этом жилье моих старых друзей-земляков.

Мы сидели за чаем и, как полагается при первом посещении гостем квартиры хозяев, говорили об этой квартире, о высоте старинных потолков, о неудобстве проходных комнат вообще, в частности этой. И о том ее несомненном, с точки зрения хозяев, преимуществе, что она — московская. Известен этот фетишизм любого столичного жилья, именуемого обычно уже не квартирой, а только площадью, без всяких прилагательных, фетишизм, исповедуемый часто людьми, род занятий которых никак не обязательно связывает их со столицей, а скорее даже наоборот. Я не удержался и высказал моим друзьям предположение о возможности лучшего для них устройства в «провинции».

— А вот ты спроси его, — кивнул мой собеседник на перегородку, из-за которой и вышел потом сосед, — спроси его: поедет ли он из Москвы.

Молодой человек, вышедший к столу из-за перегородки, заявил:

— Нет, я лично в Москве сидеть не собираюсь.

Мне это показалось совершенно естественным: человек получил высшее техническое образование, специальность, зачем же ему сидеть в Москве, где и так людей много?

— Кстати, какая же у вас специальность?

— Котлы, — скромно, но с очевидным знанием цены этому делу ответил молодой человек. — Котлы — моя специальность, хотя работать, пожалуй, придется не по специальности.

— Почему?

— Видите ли, я действительно в Москве сидеть не собираюсь, но это, конечно, не значит, что я должен совсем уехать из Москвы. Вовсе нет. Я буду выезжать...

Это уточнение явно не соответствовало категоричности и определенности первоначального заявления специалиста по котлам. Но я все же не понимал, почему он должен работать не по специальности.

— Дело в том, — окончательно пояснил молодой человек — что меня затребовали из одного главка для работы в Москве.

— Ах, вот так... Значит, вы остаетесь в Москве независимо от вашего желания или нежелания... Вы просто оказались необходимы именно здесь, в столице?

— Да, но, конечно, я не имею ничего против...

И тут хозяйка, в стремлении еще более подчеркнуть прочность положения молодого человека и его несомненнейшие права на получение должности в столице, спроста брякнула:

— У него в главке дядя родной. Очень большой человек, очень большой.

— Какое это имеет отношение? — с неудовольствием пожал плечами молодой человек и, желая отметить простодушие в представлении хозяйки о его дяде, иронически повторил:

— Большой человек... Подумаешь...

— Но он достаточно большой человек, чтобы устроить племянника в Москве?

— Ах, пусть будет так, по-вашему, не все ли равно, в конце-то концов, — с комической подавленностью приложил племянник руку к груди, — что вы от меня хотите?

И, заговорив так, он разошелся, разошелся и говорил довольно долго и солидно, выявляя, между прочим, склонность к ироническим приемам речи, литературности оборотов и весьма неприятную манеру улыбаться этакой самоуверенной улыбочкой, предполагающей в собеседнике, стоящем на иной точке зрения, только либо крайнюю наивность, либо притворство. «Вы, мол, конечно, не дурак, но из политики, что ли, говорите противоположное. А вот я, мол, говорю, как оно есть на самом деле». И он говорил, что хотя он и знает студенческую песенку, которую поют на прощальных вечерах выпускников: «Ты уедешь к северным оленям», но ни к каким северным оленям или медведям он уезжать не намерен, лучше он почитает о них в журнале «Вокруг света», лежа в пижаме на своей тахте в своей московской комнате. И что хорошие фильмы вроде «Сельской учительницы» он предпочитает смотреть в Москве, где они скорее появляются на экране, чем где-нибудь там, в «глубинке». И что он, так же, как и мы, читал в «Комсомольской правде» статьи, в которых обличают выпускников, не желающих расставаться с Москвой и прибегающих ко всяческим уловкам, чтобы только уклониться от нежелательного назначения, но что статьи, фильмы, песенки — это одно, а действительность другое. И что он не хочет тратить время на всякие бытовые заботы в тех краях, где нет ни газа, ни теплой воды, а хочет это время употребить для работы над собой, для совершенствования в избранной профессии в общих, именно в общих, а не его личных интересах. И что он не хочет ходить в керзовых сапогах, в ватнике и вообще зарастать мхом и т. д.

Все это говорилось в тоне кокетливого изнеможения от необходимости повторять положения, сами собой разумеющиеся, и было заключено излюбленной формулой всех пошляков и циников:

— Такова жизнь.

— Но позвольте, чорт вас возьми, — не выдержал я, — вы же получили свое образование в годы, когда ваши сверстники либо воевали на фронте, либо в тягчайших условиях трудились в тылу. Вас же не оторвали от вашей учебы, вы учились. И неужели вы не понимаете, что вы обязаны отслужить народу и государству, отслужить там, где это нужнее для дела, для Родины, а не там, где это удобнее для вас лично. И чем же хуже вас ваши однокашники, которые поедут туда, куда их посылают, и, может быть, даже походят в керзовых сапогах!

Я уже был готов на любую грубость, на то, чтобы обозвать его последними словами, но, увидев испуг хозяйки, менее всего желавшей такого оборота беседы, и смущение самого хозяина, воздержался и начал прощаться.

3.

И вот дался мне этот молодой человек, засорил мне память на всю поездку, неотступно возникая передо мной по самой, казалось бы, далекой связи, вдалеке от Москвы и комнаты с разделенным на две неровные половины лепным кругом на потолке...

В кузнечно-прессовом цехе Уралмаша я смотрел, как завороженный, подобно тысячам побывавших здесь до меня людей, на работу десятитысячетонного пресса, который обминал и формовал, как бы играючи, огромные стальные болванки; для транспортирования их в соседний механический цех были построены специальные железнодорожные пути.

Сейчас завод осваивает производство нового вида продукции — экскаваторы, которые будут поднимать за раз по 15 кубометров грунта.

На Уралхиммаше я видел, как тяжелые и громоздкие машины делают сложнейшую аппаратуру, необходимую для производства важнейших медикаментов.

Я не мог в самой малой мере представить себе, насколько универсально применяются механизация и автоматика процессов в современной металлургии, до того, как побывал, например, в мартеновском цехе Ново-Тагильского завода. Кажется, что людям уже остается только наблюдать да читать показатели на приборах, ежесекундно характеризующих ход плавки и фиксирующих малейшие отклонения от заданной нормы.

Года два назад при прорыве Висимо-Уткинской плотины обнаружился заложенный в ней чугунный цилиндр с железной цепью при нем. Разбили цилиндр — в нем оказалась медная трубка, а в медной — свинцовая, а в той тщательно упакованный сверток рукописных бумаг. Эти бумаги (их можно видеть в Н.-Тагильском краевом музее) были адресованы в 1872 году при ремонте плотины далекому будущему поколению, и сопроводительное к ним письмо подписано управляющим Нижне-Тагильскими заводами и его двумя помощниками.

«Сведения эти, — говорится в письме, —должны показать картину настоящего положения заводов, показать, насколько и в чем именно будущее поколение ушло от нас вперед».

Авторы письма были очень обеспокоены тем, что бумаги будут рано обнаружены, и они просят «вскрывших этот сверток положить его обратно в малодоступное место. Чем более времени пройдет до следующего его вскрытия, тем более интереса представят данные, из которых можно вывести заключение о состоянии горного дела в наше время, может быть очень и очень отдаленное для вскрывших сверток».

Среди бумаг — записка о состоянии Висимо-Уткинского завода, статистическая ведомость, расчетные тетради по поставке дров и угля, ассортимент заказов в течение недели и много других документов. Обнаружено все это, действительно, слишком рано, если иметь в виду желание тех людей адресоваться к пребудущим в веках поколениям. Но если бы они могли представить себе нынешнее состояние горнозаводского дела в их краю, то сравнение его с тем, что было при них, вышло бы далеко за пределы их представлений о далеких будущих временах. Да, время,—можно тут повторить слова инженера Дубровина, но уже в другом смысле, обнимающем более длительный исторический период.

4.

Как бы хорошо, как бы здо́рово было молодым, полным сил человеком приехать сюда, на Урал, вооруженным знаниями, обладающим специальностью, которая здесь нужна, и, красиво начав здесь жизнь с самого начала, продолжить ее с толком и пользой, вместе с развитием края, сулящим еще невиданные перспективы. Какая ширь, какие возможности для твоих способностей и талантов, если они у тебя есть,—а у кого же их нет в молодости?!

Один солдат в исходе войны рассказывал мне без всякой похвальбы, как он явился в военкомат, где шел разговор о том, в какой род войск его направить:

— А я говорю: пошлите меня к такому делу, чтоб потруднее и похитрее было. Чтоб у меня руки работали и голова не гуляла. Ну, тогда, говорят, иди в артиллерию...

В пору жизни, когда выбирают один из многих путей, в пору волнующего раздумья на распутье не заманчиво ли выбрать именно путь потруднее, край подальше, работу погорячее? Уехать туда, где ты более всего нужен, где тебя ждут, еще не зная твоего имени. И уехать не шутя, а надолго, на такой срок, чтоб деревца, посаженные там при тебе, стали деревьями, намеченные на карте новостройки — действующими заводами и обжитыми городами, и твои гордые планы, юношеские мечты — совершившимися делами? И чтобы ты мог сказать себе на склоне, к возрасту итогов и выводов, с чувством гордого удовлетворения, дороже которого ничего нет для настоящего человека:

— Да, я не бегал от долгов, я был должен моему народу, живым и мертвым сынам его, и я платил долги, не просил отсрочки по бедности. В том, что мы продвинулись по пути к заветной цели и мечте человечества, доля моего участия не может быть оспорена.

А что сможет сказать уже знакомый нам молодой человек, изучивший котлы для того, чтобы не заниматься ими, что он скажет себе, подводя итог лучшим годам жизни, проведенным так, как он намерен их провести?

— Да, я не был прост, я старался устроиться, как мне удобнее, старался не замочить носков ни в какую погоду на

ОКОНЧАНИЕ СМ. НА 2 СТР.

Июньская сессия Академии наук СССР

Вчера в Москве закончилась июньская сессия Академии наук СССР, продолжавшаяся четыре дня. В ее работах приняли участие крупнейшие ученые Советского Союза, президенты академий наук союзных республик, представители самых разнообразных отраслей науки и техники.

Первое заседание сессии было посвящено столетию со дня смерти В. Г. Белинского. Открывая общее собрание, президент Академии наук СССР академик С. И. Вавилов в своем вступительном слове подчеркнул роль гениального представителя русской революционной интеллигенции в развитии культуры и науки.

Характеризуя достижения советских ученых за минувший год, президент сообщил, что в списке новых лауреатов Сталинских премий стоят имена девяти академиков, тринадцати членов-корреспондентов Академии наук СССР и восемнадцати научных сотрудников академических учреждений. Участники собрания тепло приветствовали новых Сталинских лауреатов.

—Отмечая с большим удовлетворением успехи ученых, — сказал далее С. И. Вавилов, — Академия наук СССР не может вместе с тем не высказать беспокойства по поводу недостаточной работы академических учреждений в области общественных дисциплин—философии, экономики, права и литературоведения, подвергшихся широкому общественному обсуждению за последнее время.

Затем член-корреспондент Академии наук СССР А. М. Еголин выступил с докладом «В. Г. Белинский и русская культура». Доктор филологических наук Г. А. Гуковский сделал доклад на тему «В. Г. Белинский и проблемы реализма».

Большой интерес вызвал доклад академика А. Н. Заварицкого «О чем говорит структура метеоритов». Сравнивая строение и состав этих «гостей» Земли, прилетевших из мирового пространства, со структурой и составом земных образований, ученый обратил особое внимание на метеориты, наиболее отличающиеся от земных горных пород.

Переходя к высказанной многими учеными гипотезе о родоначальной планете, в результате распада которой произошли метеориты, докладчик построил ряд предположений о деталях этого распада. В частности, на основании небольшого количества кальцита, обнаруженного в составе одного метеорита и указывающего на его вулканическое происхождение, академик Заварицкий приходит к выводу, что этот метеорит является свидетельством космического вулканизма, имевшего место на планете, теперь уже не существующей.

Доклад доктора биологических наук профессора П. А. Генкеля перенес внимание аудитории из таинственных космических пространств на землю, в не менее таинственные глубины жизни растений. Профессор со своими сотрудниками — Е. З. Окниной и Н. А. Сатаровой — в течение нескольких лет изучал в Институте физиологии растений Академии наук СССР состояние зимнего и летнего покоя растений. Исследования позволили ученым обнаружить у растений, готовящихся к зиме, изумительное явление, которое они назвали процессом обособления протоплазмы. Это явление обусловливает, в частности, морозоустойчивость растений.

Работа профессора Генкеля и его сотрудников имеет огромное народнохозяйственное значение. Авторы исследований разработали метод, позволяющий быстро — в течение нескольких минут—определять, находятся ли клетки растения в покое или вышли из него. Этот метод позволяет не только контролировать состояние растений, но до известной степени управлять им. Уже найдены химические вещества, при помощи которых можно искусственно вывести растения из состояния покоя.

С большим интересом общее собрание прослушало доклад члена-корреспондента Академии наук СССР А. И. Алиханяна о новых элементарных частицах в составе космических лучей.

Всего на общем собрании и заседаниях отделений Академии наук было прослушано более двадцати докладов. Рассмотрен ряд организационных вопросов.

С огромным воодушевлением участники собрания приняли приветствия товарищу И. В. Сталину и товарищу В. М. Молотову.

История полка «Тринадцать»

Из Берлина в Смоленск специальный нарочный доставил на-днях пакет с рукописью истории знаменитого партизанского полка «Тринадцать», действовавшего на Смоленщине и в Белоруссии в 1941—1943 годах. Рукопись найдена при разборе немецких архивов в советской зоне оккупации Берлина.

Полк «Тринадцать» был создан учителем деревни Фомино Дорогобужского района Смоленской области, ныне Героем Советского Союза Сергеем Владимировичем Гришиным. Ядро партизанского отряда при его организации составили 12 учеников старших классов Фоминской школы и учитель Гришин. Впоследствии отряд превратился в полк, насчитывавший около 3.000 штыков, но в память о первых его бойцах сохранил прежнее название «Тринадцать».

С самого начала боевых действий партизанского отряда велась его история.

— Каким же образом история полка попала в руки врага? — С этим вопросом корреспондент «Литературной газеты» обратился к Герою Советского Союза подполковнику Гришину, недавно закончившему с золотой медалью Военную Академию им. Фрунзе.

— Это случилось осенью 1943 года, — говорит тов. Гришин. — Наш полк вел рельсовую войну в тылу у немцев на территории оккупированной ими Белоруссии.

После одной из операций фашисты решили во что бы то ни стало уничтожить наш полк. Они предприняли крупную карательную экспедицию. Нам пришлось вести тяжелые бои. История полка «Тринадцать» находилась в сумке начальника штаба. Однажды он с группой бойцов отправился в разведку. Нашим разведчикам пришлось принять бой с карателями. Очевидно, разведчики были окружены и погибли в бою. Посланный мною на выручку начальника штаба отряд нашел лишь изуродованные трупы наших героических партизан. Полевая сумка исчезла.

Мы считали, что рукопись истории полка потеряна навсегда и начали ее восстанавливать. Но второй вариант был, конечно, менее полным и точным. И вот подлинная история найдена...

История одной из замечательных партизанских частей представляет большой интерес для историографии движения народных мстителей. Сейчас группа бывших партизан полка «Тринадцать», в том числе московские журналисты, выпускавшие печатную газету в соединении, куда входил полк Гришина, работает над созданием книги о боевых действиях смоленских партизан. Недавняя находка послужит им ценным материалом.

Ясновельможный товарищ Костенко

И. ДНЕПРОВ

Год тому назад была предана гласности история девятилетней волокиты в Министерстве легкой промышленности с внедрением изобретения инженеров В. Н. Цветкова и М. С. Евланова. Изобретатели предложили прикреплять резиновую подошву к ботинку не гуттаперчевым клеем, а пленкой из гуттаперчи. Идея изобретения была безусловно верна. Оперируя клеем, рабочие вдыхают вредные пары растворителей гуттаперчи — бензина и дихлорэтана. Применение пленки ликвидировало вредность производства (и в этом главный смысл предложения инженеров). Значительно сокращался расход гуттаперчи. Отпадала потребность в бензине и вентиляции.

Девять лет продолжалась волокита в министерстве. Последние годы активное сопротивление пленке оказывал зам. министра легкой промышленности тов. Костенко. На критику этот товарищ реагировал своеобразно. Вместо того, чтобы признать свою вину, он решил опорочить изобретение. Нашлись люди, подписавшие бумажки о непригодности пленки. Однако, новый министр легкой промышленности тов. Н. Е. Чесноков приказал провести окончательную проверку пленки. Испытания вновь подтвердили все ее преимущества. Девятый месяц лежат в столе у тов. Костенко акты испытаний—документы, обязывающие его прекратить волокиту (теперь уже десятилетнюю!) и немедленно приступить к массовому внедрению на фабрики нового изобретения, которое на предприятиях промысловой кооперации с большим успехом применяется уже второй год. Но ничто не в состоянии сломить упорство тов. Костенко. Пленка внедрена в небольших цехах двух фабрик («Парижская Коммуна» и «Заря свободы»), а все остальные предприятия попрежнему пользуются гуттаперчевым клеем.

История с пленкой — не печальное исключение в деятельности тов. Костенко. 26 декабря 1947 года в «Труде» была напечатана статья тов. Н. Е. Чеснокова, которая содержит важное признание: «Косность и неповоротливость отдельных работников привели к тому, что производство заменителей верхней кожи из полихлорвиниловой смолы организовано не в нашей промышленности, а на предприятиях других министерств». Пойдем по следам статьи министра, и тогда окажется, что виновником крупного провала Министерства легкой промышленности в использовании полихлорвинила окажется все тот же тов. Костенко.

Раскрыв утром 21 марта 1946 года «Правду», тов. Костенко узнал, что Закон о пятилетнем плане обязывает его «всемерно развить производство... полноценных искусственных кож». Будь тов. Костенко настоящим государственным деятелем, он в тот же день поехал бы на филиал одного московского авиационного завода, отыскал там инженера Сапилевского и сказал бы ему примерно следующее:

— Я крепко виноват перед вами, уважаемый Петр Филиппович. Три года я и руководители Института кожзаменителей посмеивались над сообщениями печати о ваших успехах. Мы пытались самостоятельно создать искусственную верхнюю кожу из полихлорвинила, но у нас ничего не вышло. А ждать больше нельзя. Предлагаю вам крепкую поддержку. Расскажите, чего вы достигли, в чем нуждаетесь.

Сделай это тов. Костенко, он в тот же день получил бы в свое распоряжение серьезное оружие борьбы за пятилетку обувной промышленности. Он узнал бы, что работы П. Ф. Сапилевского и его помощников А. Ф. Климковой и Л. З. Зильперта выдвинули нашу страну на первое место в мире по техническому освоению полихлорвинила.

Перед нами ведущий американский журнал по пластическим массам «Modern Plastics» за октябрь 1947 года. Он признает, что американской технике до сих пор не удалось решить главное — заставить «дышать» полихлорвиниловую кожу. А Сапилевский достиг этого, его материал «дышит»! Тов. Костенко узнал бы, что новый материал не только соответствует коже по своим физико-техническим данным, но значительно превосходит ее по прочности и необыкновенной устойчивости в отношении воды, керосина, бензина, нефти, масел, кислот и щелочей; что на обувных предприятиях разных министерств и промкооперации полихлорвиниловая кожа нашла полное признание; что П. Ф. Сапилевский сконструировал отличную машину для выпуска нового материала непрерывной лентой; что последнее, над чем бьется изобретатель, — это окончательное решение проблемы гидрофильности (гигроскопичности и влагоемкости) нового материала.

Вот какие важные вещи узнал бы тов. Костенко. Но он и не собирался выполнять прямое требование Закона о пятилетке. Он, как и прежде, поддерживал работников из института кожзаменителей, продолжавших хулить Сапилевского за то, что он, а не они, создал новый обувной материал. Меру косности зам. министра, отвечающего за обувную промышленность, показывает характерная деталь: министр легкой промышленности нашел время, чтобы поехать к инженеру Сапилевскому и ознакомиться с его машиной, а тов. Костенко так и по сие время не собрался этого сделать.

В 1947 году выпуск искусственной верхней кожи включается в государственный план. Министерство этого плана не выполняет.

За первые два года пятилетки изобретатель собственными силами блестяще решил сложную проблему гидрофильности. Отныне наша обувная промышленность имеет искусственную верхнюю кожу, которая практически является полноценным заменителем натуральной. Мы можем выпускать материал Сапилевского тысячами метров. И обувная промышленность должна полностью использовать это изобретение!

Надо рассказать еще об одном важном техническом новшестве — монолитной резиновой подошве. Серьезные преимущества «монолитки» состоят в том, что она способствует превращению обувной фабрики в сборочное предприятие. Производственники по достоинству оценили большие преимущества монолитки, но зам. министра был иного мнения на этот счет. Началась война между ним и производственниками. Она продолжается уже несколько лет и носит своеобразные формы — это, так сказать, война на измор. «Монолитку» должны выпускать заводы резиновых подошв. Для этого нужны прессформы. Естественно было, чтобы министерство организовало их изготовление в плановом порядке. Но тов. Костенко заявил руководителям фабрики: «Вам нужна «монолитка»—делайте сами прессформы». И вот фабрики вне плана и втридорога изготовляют сейчас прессформы. Этот «каприз» обошелся в сотни тысяч рублей. Наконец, прессформы готовы. Но у зам. министра есть еще один способ затянуть дело,—он не разрешает отправлять прессформы на заводы без его личной проверки. А проверяет он месяцами...

Вместо того, чтобы внедрять в обувную промышленность новую технику, тов. Костенко в течение года задерживал на «Парижской Коммуне» и в течение полугода на фабрике «Заря свободы» пуск цехов на «монолитке». В результате план выпуска обуви на монолитной подошве в 1947 году не был выполнен.

Техническая мысль, однако, не стояла на месте. Четыре месяца назад инженеры В. И. Алексеенко, М. В. Лев, В. Н. Цветков, Б. Я. Кипнис и А. С. Кобылкин создали микропористую «монолитку» и разработали технологию ее производства конвейерным способом. Новая «монолитка» требует резины на тридцать процентов меньше, вдвое уменьшается вес прессформ, втрое повышается производительность труда, значительно увеличивается срок носки подошвы, облегчается труд прессовщиц.

Таким образом, речь идет о крупном техническом усовершенствовании. Значение его станет особенно очевидным, если учесть, что план выпуска «монолитки» на 1948 год увеличен в три с половиной раза против выпуска прошлого года. Но тов. Костенко и здесь остался верен себе: он решительно отказался внедрять микропористую «монолитку».

Широкие круги обувщиков знают истоки неприязни тов. Костенко к «монолитке». Несколько лет тому назад в обувную промышленность был внедрен новый метод изготовления резиновой подошвы — горячая вулканизация. В числе награжденных за разработку и внедрение нового метода был и тов. Костенко. Затем появилась «монолитка». В действие вступил вечно живой закон развития—вчера новое, вчера прогрессивное должно потесниться, чтобы дать место сегодняшнему новому. Что ж тов. Костенко? Нет, он не дает ходу новому, он — за старое.

Бесцеремонное обращение с законом — система тов. Костенко. 28 марта 1945 года он издал известный на обувных фабриках циркуляр № 9, которым упразднил установленные законом нормы отходов и потерь при раскрое кожи, установил новые дополнительные повышенные нормы потерь и разрешил потери включать «в набор и состав ботинка», «в плановое потребление готовых деталей».

Проще говоря, тов. Костенко легализовал и позволил маскировать хищение кожи, порчу ее, брак обуви и т. д. Циркуляр прямо легализовал «недостачу оприходованных готовых деталей». Обратите внимание — «готовых» (не обрезки кожи, а готовые, полноценные детали ботинка), «оприходованных» (т. е. деталей, уже поступивших в цех). И вот готовые и даже оприходованные детали циркуляр № 9 разрешал транжирить, но... в пределах таких-то и таких-то «дополнительных норм».

Так и поступали на некоторых фабриках. В итоге недостачи деталей кроя на два миллиона сто пять тысяч рублей были списаны на счет себестоимости. Потребовалось вмешательство извне, чтобы отменить преступно-головотяпский циркуляр № 9.

Или вот другая, не менее известная в кругах обувщиков история о том, как в трескучие морозы, в середине учебного года, тов. Костенко выбросил фабзавучников «Парижской Коммуны» в холодный неприспособленный цех, а помещение школы, которое она занимала чуть ли не 20 лет, отдал под квартиры.

Таков ясновельможный товарищ Костенко. Такова техническая «политика» заместителя министра легкой промышленности. Так «борется» он за обувную пятилетку.

Не пора ли привести в чувство вельможу?..

О столице и «провинции»

А. ТВАРДОВСКИЙ

Спец. корр. «Литературной газеты»

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СМ. НА 1 СТР.

улице. Я понимал так, что по пути к коммунизму неплохо иметь плацкартное мягкое место. Приходилось изворачиваться, и свет был не без добрых людей. Правда, эти люди, помогавшие мне устраиваться так, чтоб меня ветром не продувало и чтоб мухи не кусали, даже эти люди не уважали меня, видя во мне свое подобие. И я, никогда не будучи романтиком, не отказался бы, конечно, от того, чтобы считать себя человеком высокого долга и чтоб другие меня считали таким, а не просто шкурником и ловчилой. Чорт ее знает, почему это нужно человеку, а вот нужно, как-то даже тоскливо без этого...

Пусть, однако, не думает этот молодой человек, что я хочу его запугать, как грешника муками ада, поздним чувством неудовлетворенности и раскаяния. Это была бы совершенно неблагодарная задача.

Офицер, который, окончив во время войны военное обучение, приобретя специальность, нужную фронту, стремился бы из-за своей «площади» или по другим каким мотивам застрять в управлении, где-нибудь, скажем, в округе, только бы не поехать на фронт, был бы явно плохой офицер, человек, недостойный своего высокого звания, и с ним бы не нянчились. Думается, что не меньшая мера общественного осуждения и практического воздействия должна быть обращена на инженера, увиливающего от выполнения своего прямого долга: работы там, где его работа более всего нужна.

Что он собирается делать, мой специалист по котлам? Он будет «выезжать», т. е. будет инструктировать, учить кого-то «на местах», не имея возможности опереться на личный практический опыт. Я вспоминаю одного из начальников цехов Уралмаша, человека не на много лет старше этого молодого котловика. Мальчишкой он строил завод, потом стал работать на нем, начиная с самого скромного ученичества, и здесь же, без отрыва от производства, за годы упорной учебы и работы приобрел специальность, стал инженером, крупным командиром на производстве. Естественно, что человек такого опыта, таких проверенных на практике знаний по праву мог бы «выезжать» для инструктирования и помощи на местах. Но почему эта роль должна принадлежать выпускнику, не работавшему на производстве, не отвечавшему за определенный участок, слову, зеленому юноше в своей специальности, — непонятно и неестественно.

Впрочем, не пора ли читателю прервать меня: что, действительно, дался тебе этот молодой человек? Да такое ли это значительное явление нашей жизни?

Мне кажется, что даже если бы то, что составляет предмет моей статьи, было бы исключительно единичным явлением нашей жизни, и тогда бы стоило обратить на него внимание, не дать ему укрыться за общей достойной характеристикой наших вузовцев и молодых специалистов. Но, повидимому, это явление не столь уж исключительное.

5.

Около года назад в Тимирязевской академии происходила конференция читателей «Литературной газеты». В ходе большой открытой беседы выявилось, что есть и там молодые люди, изучающие сельскохозяйственные науки с намерением применять их в Москве, на какой-нибудь завалящей канцелярской должности. Я вспомнил об этом, когда встретился в Красноуфимском районе с зоотехником, воспитанницей Тимирязевской академии, Верой Тихоновной Пекунькиной, имя которой я уже называл в первой моей корреспонденции с Урала.

Мы разговорились с Верой Тихоновной, и я узнал, что работает она в этом районе уже свыше десяти лет, очень любит свою работу и совсем привыкла к этим местам, но сама москвичка, горожанка и, более того, — работала когда-то в одном московском издательстве помощником редактора. Работала, а потом решила, что работа эта не сулит ей серьезных перспектив, пошла учиться, а после учебы, не задумываясь, а вернее сказать, все обдумав и решив бесповоротно, поехала в провинцию. И вот может показаться, что, выполняя свою большую роль в практической жизни большого и сложного хозяйства, она отвлеклась от науки, от книг и журналов, перестала, как говорится, работать над собой? Нет, именно этот практический опыт позволил ей собрать больший материал для научной работы по специальности. Не жалуясь на занятость, не сетуя на обстоятельства деревенской жизни, а как бы признавая себя виноватой, она говорила:

— Все почти готово, весь материал, наблюдения, записи, данные, а вот сесть, написать все от заголовка до конца — трудно. Нужно заглянуть в книги, которые можно достать только в большой библиотеке, нужно бы поговорить, поконсультироваться, да все не вырвусь в Москву или хотя бы в Свердловск на недельку-другую.

Невольно подумаешь, что у таких людей есть куда более несомненное право и в Москве побывать, чем просто право ответственного с'емщика квартиры в Москве, подобного нашему котловику.

В Тагиле ко мне пришли четыре девушки-десятиклассницы. Это было серьезное и трогательное, отчасти, желание «выяснить» некоторые вопросы литературной жизни. Разговорились, и я спросил девушек насчет их планов дальнейшей жизни по окончании школы. Оказалось, что все они хотят стать учительницами. Я спросил, не влияние ли это фильма «Сельская учительница»?

— Нет, — ответила одна из них, взглянув на подруг, молча поддержавших ее,— нет, но эта картина укрепила нас в нашем намерении.

В Москве из них никто не был; одна только проезжала Москву с родителями, когда была маленькая, такая маленькая, что ничего не помнит. И о Москве они говорили с мечтательной нежностью, воодушевлением и скромным до минимума притязанием:

— Перед тем, как совсем уехать на работу, побывать бы в Москве, увидеть ее, побывать в театрах, музеях, проехать в метро, все посмотреть, чтоб уж было о чем рассказать, когда случится.

Слушая их, я опять подумал о моем молодом человеке с комнатой в Москве, о его замечаниях насчет «Сельской учительницы», о том, что никакими фильмами его не прошибешь и что у него на все и про все готова его противная, томно-ироническая улыбочка.

6.

Краткое добавление. Статья уже была сдана мною в редакцию, когда я встретился на улице с моим земляком.

— Представь, он уже работает, — сообщил он мне о молодом человеке.

— Где же?

— Да здесь, в Москве, в каком-то ведомстве. Уже в командировку выезжал куда-то под Москву, очень, говорит, интересная работа. Приехал на два дня и опять уехал.

— Однако, гоняют его часто.

— О! — сказал мой земляк. — Это надо уметь. Он, брат, мне раз'яснил, в чем дело. Его послали туда надолго, но суточные оплачиваются только два месяца. Так он не дурак, он приехал в Москву, нашел причину — благо это близко, а теперь как бы снова едет туда, и суточные опять у него без потерь... Ловок все-таки, надо признать. И молод, а ловок.

Слово хозяина

из редакционной почты

Бежецкая вода

В музее города Бежецка, Калининской области, хранится интересный экспонат. Он помещен в отдельной витрине, хорошо освещен, невольно привлекает внимание посетителей, — сообщает писатель Субботин.

Экспонат этот — обыкновенная бутылка с притертой стеклянной пробкой, наполненная прозрачной, бесцветной жидкостью. Многочисленные документы, расположенные в витрине, свидетельствуют, что взята она из источника в г. Бежецке. Судя по химическому анализу, вода эта — прозрачная, бесцветная, без запаха, слабого горьковато-солоноватого вкуса. Реакция нейтральная. Удельный вес 1,072. Содержит она: хлористый калий, хлористый натрий; сернокислый калий, сернокислый магний, сернокислый кальций, иодистый натрий, кремнезем, окись железа и алюминия.

Из документов видно, что в 1933 году Московский институт курортологии признал исключительные качества воды Бежецкого источника. Она имеет сходство с водой Баденского и Ижевского источников, но крепче последних; применение ее дает благоприятные показатели при лечении почек, печени, подагры, желудочно-кишечных заболеваний.

Институт тогда же признал необходимым построить в Бежецке разливной завод. Была даже пробурена скважина, дававшая 400 литров воды в час. На этом строительство остановилось.

Теперь скважина заброшена, не охраняется, засорена. Институт курортологии о своем решении забыл, Бежецкий городской совет считает заботу о минеральных источниках не своим делом.

Так, при равнодушном отношении людей к богатствам своего края вода Бежецкого источника, ее анализы, похвальные решения о ее использовании превратились в музейный экспонат, нашедший себе место рядом с орудиями каменного века, предметами быта и украшений, добытыми при раскопках курганов и могильников на территории «Бежецкого верха».

В цех пришел экономист

Инструктор Челябинского горкома ВКП(б) тов. Спицын пишет о том, как экономисты и производственники здешнего лако-красочного завода, работая в тесном содружестве, сократили на три миллиона рублей годовую государственную дотацию. Зачинателем этого большого дела стал начальник планово-экономического отдела тов. Поспелов. Помогают ему заводские экономисты-плановики Корнев и Баталов. Все они почти ежедневно бывают в цехах, изучают причины разного рода производственных недостатков, помогают организовать ритмичную работу, борются за цеховой хозрасчет.

Плановики заметили, что большие расходы вызывает перевозка некоторых материалов гужевым транспортом. Между тем цеховая автомашина с цистерной полностью не загружена. По предложению плановиков, к автоцистерне прицепили тележку. Это позволило одновременно перевозить жидкое и сухое сырье. Сократилась потребность в лошадях, уменьшились расходы.

Рачительные хозяева посоветовали применить более удобную тару для некоторых видов продукции, что дает 15 тысяч ежемесячной экономии. Они обратили внимание на то, что в производстве иных сортов красок используется дорогое сырье, а дешевые заменители не употребляются лишь потому, что усложняют процесс работы. Найдены способы производства красок на более дешевых маслах, что не снижает их качества, а заводу приносит миллионную экономию.

Деловое содружество экономистов, инженеров и рабочих-стахановцев дало возможность заводу реконструировать топки, завести свое производство жестяной тары, организовать изготовление муфелей, которые прежде привозились из Сибири и Ярославля. На этом завод экономит десятки тысяч рублей.

«Ценное начинание тов. Поспелова, — заключает свое письмо тов. Спицын, — должно быть подхвачено всеми плановиками и экономистами».

Бракоделы

«Недавно наш судостроительный завод имени Андре Марти, — пишет из Николаева инженер С. Иваненко,—получил высокочастотную электроустановку для сушки древесины, сделанную по нашему заказу московским заводом имени Ворошилова Министерства сельскохозяйственного машиностроения.

При вскрытии ящиков мы обнаружили, что отсутствуют не только упаковочные ведомости, но и такие важные детали, как шунтирующий конденсатор на 12.000 вольт, штырь и болтики крепления перемычки измерительного прибора и сопротивление на блокировку.

Из-за небрежности отправителей оказались сломанными шина контура, идущая на фидер, и второй контур, щит автоматики был оборван.

Очень плохо выполнены монтажные работы. Недоброкачественно смонтированы генератор и щиток с рубильником и предохранителями, кнопки управления на главном щите заедают, крепление деталей к панелям — слабое: так, деревянный плинтус передней панели отвалился из-за того, что были поставлены короткие шурупы. Ряд деталей выполнен из материалов низкого качества.

Эта электроустановка обошлась нашему заводу в 100 тыс. руб. Как она будет работать, — еще неизвестно. Но зато уже известно, что завод имени Ворошилова поставляет заказчикам бракованные детали. Мы, работники завода имени Марти,—пишет тов. Иваненко, — хотели бы, чтобы рабочие завода имени Ворошилова обсудили этот вопрос на собрании и вынесли порицание бракоделам».

В Московской области около 500 сельских библиотек, насчитывающих свыше двух миллионов книг. При московской областной библиотеке организованы краткосрочные семинары, на которых сельские библиотекари знакомятся с постановкой дела в библиотеках столицы, посещают выставки, музеи и т. д.

НА СНИМКЕ: группа сельских библиотекарей в Государственном литературном музее. Слева направо — библиотекарь Озерецкого сельского совета Загорского района О. Я. Тимонина, библиотекарь Дудинского сельского совета Красногорского района А. В. Афанасьева и библиотекарь Огудневского сельского совета Щелковского района К. Г. Дворянкина.

ЭКЗАМЕНЫ

Т. ЛЕОНТЬЕВА

Каждый год, в один из весенних дней, в 8 часов утра во всех школах нашей страны директора торжественно ломают сургучные печати на конвертах, в которых хранятся темы сочинений для экзамена на аттестат зрелости.

Час спустя миллионы школьников садятся за парты, и учителя входят в классы, скрывая собственное волнение.

Экзамены начинаются.

Дни экзаменов отмечены какой-то особой метой. Дети, наши дети держат сегодня серьезное жизненное испытание.

В этом году среди тем, присланных министерством для сочинений по литературе, есть и такая:

«Всемирной надеждою стала великая наша страна».

Свое сочинение на эту тему одна из десятиклассниц начала так:

«Нам, кому недавно исполнилось 18 лет, не пришлось участвовать ни в гражданской войне, ни в мирном строительстве, не многие участвовали и в Отечественной войне. Однако наше поколение сильно тем, что воспитано на славных боевых традициях отцов чудесной советской школой».

Чудесная советская школа...

Вот школа № 135 Советского района в дни экзаменов.

Первый этаж — классы малышей. На стенах панно с мотивами из русских сказок о рыбаке и рыбке, о золотом петушке. Это настоящие художественные работы, воспитывающие вкус и заставляющие остановиться. На высоких тумбах между окнами гипсовые копии знаменитых скульптур, декоративные растения, цветы.

Это делает из школы веселый, светлый юный сад, в котором теперь, за несколько минут до экзаменов, идут серьезные приготовления. Дежурные педагоги проверяют, все ли на месте в классах: билеты, карандаши, бумага, чернила, карты... Вслед за ними все проверяет сам директор Федор Федорович Рощин.

Мальчиков впускают в школу в 8 часов 50 минут. Задолго до этого они все уже здесь, в переулке,—можно устроить перекличку. Они ходят стайками от угла к углу, сидят на скамейках под липами и обступают школьное крыльцо. Они смеются, хлопают друг друга по плечу, говорят о фотографии, о радиолокации, о событиях в Греции и Палестине.

Входя в классы и рассаживаясь, мальчики затевают возню. Но вот преподаватель математики Петр Николаевич Смарагдов поднимает указку, как дирижер оркестра, и устанавливается тишина.

Петр Николаевич диктует задачу, а экзаменационная комиссия с Федором Федоровичем во главе сидит за столом, покрытым красной бархатной скатертью. У Федора Федоровича непроницаемое и даже строгое лицо. Однако через несколько минут Федор Федорович проходит, осторожно ступая между партами, и незаметно заглядывает в тетрадки. В коридоре его обступают преподаватели.

Надо посмотреть на лица учителей, когда Федор Федорович говорит, волнуясь:

— Только у одного не ладится. Как это он?.. Совершенно неправильно начал. Боюсь — не решит.

Истинные отношения между преподавателями и учащимися никогда не проявляются с такой прозрачной ясностью, как в дни экзамена.

Вот преподаватель истории Аркадий Николаевич Ильинский. Он принимает экзамены в 9-м классе «А». Про него говорят, что он прекрасный рассказчик, но очень уж суров с ребятами.

Однако строгие требования, железная беспристрастность и даже собственный темперамент не мешают Аркадию Николаевичу почувствовать волнение ученика, поэтому, отпуская его, он говорит:

— Исчезай... Исчезай... Прежде, чем итти домой, погуляй по нашему садику и остынь немножко.

Аркадию Николаевичу 70 лет. У него совершенно белые волосы, гладко зачесанные над сухим, темным, восточного склада лицом. Он ведет своих мальчиков с 5-го класса. И когда Аркадий Николаевич говорит своему ученику «ты», тогда как все другие педагоги, как правило, говорят «вы», — это так же гармонично, как и все в этой школе.

Трудно сказать, что такое единый стиль школы. Во всяком случае, это какая-то особенная слаженность всех ее частей, что не представляет собой некую исключительность, а как бы является воздухом.

И вот этот воздух, этот слаженный тон всего коллектива, должно быть, — самое важное в педагогическом мастерстве. Нет этого воздуха, и никакие методические разработки, протоколы, педагогические суждения не спасут положения.

Вот другая школа — № 636, Свердловского района. Директор ее, Андрей Федорович Солохин, старый учитель, много работающий над вопросами теории педагогики.

Помещается школа № 636 в таком же новом прекрасном школьном здании, и бюджет у нее такой же.

Грязная ковровая дорожка тянется до первой площадки лестницы и здесь неожиданно обрывается, бессмысленно приводя вас к окну, которое выходит на мусорную яму. Голые желтые стены, старые плакаты и пустая фанерная рама, может быть, предназначенная для стенгазеты.

Обычный класс. Несколько горшков с цветами — родительский дар. Пол чисто вымыт, но парты обшарпаны и облиты чернилами. Криво висят на стенах исторические карты. Идет экзамен по истории.

В углу класса сиротливо приткнулась вешалка. Посредине, на той нейтральной территории, которая разделяет учеников и преподавателей, лежит маленький ярко-красный коврик. Ученики, выходя к доске, испуганно обходят его сторонкой.

— Рассказывать Олега?..

— Рассказывайте.

Ученик, с отчужденным выражением лица, хмуро рассказывает о киевском князе Олеге, затем о распаде Киевского государства. Когда его отпускают, он уходит, неловко стукнувшись о парту.

Парты учеников, готовящихся к ответу, вынесены далеко вперед, а парты остальных сдвинуты к стене. Пространство, их разделяющее, находится под неусыпным наблюдением классной руководительницы, которая ходит взад и вперед, как часовой, все время заглядывает в парты и ястребиным взором следит, — не пролетит ли шпаргалка.

В каждой школе есть какая-нибудь своя особенность, своя гордость. В женской школе № 169 Свердловского района — исторический кружок Алексея Николаевича Хмелева. Школа № 89 Краснопресненского района гордится своим школьным садом, где имеются едва ли не все виды растительности — целый ботанический сад. Школа № 636 считает своим главным достижением постоянно созываемые теоретические конференции классных руководителей.

Нам не пришлось быть на таких конференциях. Учебный год кончился, но заведующий учебной частью Николай Константинович Васильев любезно предложил ознакомиться с протоколами этих конференций.

Вот протокол по докладу одного из классных руководителей на тему: «Воспитание у учащихся нравственных черт советского человека».

«Слушали... Постановили... Мобилизовать все средства нравственного воздействия, начиная с внешней обстановки, внешнего вида учащихся и учителей, включая педагогический процесс всех дисциплин и все виды общественной работы... Обязать всех классных руководителей при составлении плана воспитательной работы на четверть уделить особое внимание вопросам воспитания у учащихся нравственных черт советского человека».

— Нужны ли эти планы?

— Необходимы, — убежденно отвечает завуч. — Ведь наша школа была год назад экспериментальной базой при Институте методов обучения Академии педагогических наук.

Маленький кабинет завуча больше похож на кладовую, чем на кабинет. На подоконнике — пыльные бумаги. Завуч пристраивает старую газету, чтоб солнечный свет не падал на его стол и не мешал ему писать методическую разработку «О воспитании вежливости и хороших манер у учащихся».

— Скажите откровенно, положа руку на сердце, какие недостатки видите вы в вашей школе?

Завуч долго думает. Очевидно, этот вопрос застал его врасплох.

— Главный недостаток, — говорит он, — это разрыв в требованиях учителей 4-х и 5-х классов.

И в этой школе есть прекрасные преподаватели, влюбленные в свое дело. Экзамены по географии в 9-м классе показывают, как вдумчиво и серьезно относятся преподаватели к своему любимому делу.

Многие педагоги взволнованы тем, что об'ем материала по новой истории и истории СССР слишком велик. Не следует ли экзамен по новой истории проводить в 9-м классе?

Высказываются соображения и о том, стоит ли давать ученикам билеты на руки до экзаменов. Не ведет ли это к практике механического заучивания.

Вот вопрос о допущении к экзаменам. Ученик, имеющий двойки, вообще не допускается к экзамену. Правильно ли это?

Все эти и другие вопросы обсуждаются педагогами горячо и страстно.

Всюду бьется мысль советского педагога, каждый несет через школу новому поколению все лучшее, чем сам обладает, щедрой рукой отдает накопленное.

Но как бы ни был хорош педагог, каким бы энтузиастом своего дела он ни был—если нет слаженности всех частей великого школьного организма, то можно бесконечно расписываться в ненависти к казенщине и формализму, — все напрасно. Если в школе отсутствует взаимная слаженность, общий стиль работы, индивидуальные усилия талантливого педагога теряются, никуда не ведут, как ковровая дорожка на лестнице, бессмысленно дотянутая до окна.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

Поэзия простых людей

Алексей Недогонов известен читателю как автор поэмы «Флаг над сельсоветом». До появления поэмы мало кто знал, да и теперь немногие знают стихи этого талантливого поэта и его творческий путь, так безвременно оборвавшийся.

Между тем, Недогонов — один из интереснейших представителей молодого поколения советских поэтов, обладавший чистым и звонким голосом, острым зрением, светлым ощущением мира.

Книга «Простые люди», вышедшая недавно в издательстве «Молодая гвардия», — яркое явление в советской поэзии. В ней опубликованы две части поэмы «Флаг над сельсоветом» и более двадцати стихотворений Алексея Недогонова, относящихся к периоду Отечественной войны. Не раз приходилось слышать, будто читателю надоели стихи о войне. Я думаю, что это замечание верно, когда оно относится к плохим стихам, в сотый раз повторяющим то, что мы уже слышали и читали. По каждое поэтическое слово о прошедшей войне, сказанное по-своему, одухотворенное мыслью и чувством, может не взволновать лишь снобов и пустых людей.

Стихи Недогонова о войне — стихи солдатские, и, однако, они не похожи на уже известные нам солдатские стихи Суркова, Симонова или Твардовского. У Недогонова свой мир, свое восприятие. Как точно и неожиданно сказано «соколиный жесткий рот пулемета» или «зенитные стволы сосен»!

Интересно стихотворение А. Недогонова «Слова говорят», посвященное братству славянских народов. Поэт выбирает слова, одинаково звучащие по-русски и по-болгарски: «вода», «хлеб», «пушка» и воинственный клич «ура!» Думаю, что Недогонов мог бы найти и другие, одинаково звучащие на разных языках слова, но выбор поэта здесь не случаен, он скуп и точен.

К лучшим произведениям Недогонова следует отнести одно из последних его стихотворений «Я не помню детской колыбели», опубликованное в «Новом мире» под названием «Биография», а также балладу о превосходстве советского человека, начинающуюся строчками:

Когда ученик в «Мессершмитте»
впервые взлетал в высоту,
веснушчатый Саша Матросов
играл беззаботно в лапту.
. . . .
Когда молодые пруссаки
чеканили шаг строевой,
над формулой сопротивления
склонялся Олег Кошевой.

Поэт умел находить нежные слова и мягкие краски для описания природы. Запоминается стихотворение «Осень», в котором живописно рассказано о первой послевоенной осени:

В пору такую, играючи,
Пробуют усики заячьи
Танковый след вдоль обочины.

Не все стихи в книге подобраны удачно. В частности, стихотворение «Встречное дыхание» — подражательное и слабое — могло бы быть убрано внимательным редактором и заменено другим.

В сборнике «Простые люди», составленном самим поэтом, напечатаны, преимущественно, произведения конца войны и послевоенные. Понятно, что Недогонов хотел в небольшой книге дать то, что считал лучшим, а поэту всегда кажется, что последние его вещи лучше предыдущих. Долг друзей поэта — составить теперь книгу, которая могла бы полно и всесторонне ознакомить читателя с творчеством Алексея Недогонова. У него были хорошие стихи еще в довоенных тетрадях, немало сильных произведений написано им в первые годы войны.

В сборнике опубликованы обе части поэмы «Флаг над сельсоветом». Первая часть ее уже полюбилась читателю и удостоена Сталинской премии. Егор Широков, герой поэмы, вышел с печатных страниц и живет теперь в нашей жизни, как многие герои лучших произведений советской литературы.

В поэме «Флаг над сельсоветом» впервые широко и талантливо рассказано о послевоенной колхозной деревне. Об этом произведении написано немало статей, критика уже отмечала и главу о возвращении Егора, и рассказ о встрече его с невестой, и другие, наиболее удачные куски поэмы.

По самой примечательной в первой части кажется мне глава о колхозном стороже. Написана эта глава с юмором, с лукавой улыбкой, она глубока по мысли. Колхозный сторож тоскует на своей ночной работе. Ему кажется, что уже не от кого охранять общественное добро, — ведь кругом свои люди, — и только мудрое наставление Егора помогает ему понять свою роль в колхозе. Пусть еще необходимы нам сторожа, но этот устремленный в будущее ночной разговор простых людей убеждает нас в том, что мы приближаемся к тому времени, когда не нужны будут сторожа у амбаров. Даже один этот разговор показывает, как свойственно было поэту драгоценное чувство нового.

Вторая часть поэмы производит не менее яркое впечатление, чем первая. Мне хочется предупредить себя и читателя от одного заблуждения: когда первую часть литературного произведения хорошо знаешь, а со второй только знакомишься, при первом чтении может показаться, что последняя хуже: ведь в первой все знакомо, привычно, стало близким, а вторую надо еще освоить, надо обжиться в ней, как в новом доме.

Для того чтобы не обмануть себя, я прочитал вторую часть «Флага над сельсоветом» несколько раз отдельно, а потом — все произведение целиком. Впечатление мое только окрепло: первая часть вышла «в люди», в жизнь самостоятельно, и вторая часть имеет такие же права, она столь же интересна, вместе с первой она составляет единое произведение талантливого и вдумчивого поэта.

Во второй части показана борьба колхоза за урожай. Главным героем здесь является Андрей Дубок. В немногих поэтических произведениях последних лет даны движение, судьба героя. Недогонову удалось показать судьбу Дубка. В этом смысле образ Широкова оказался более плоскостным, Егор на протяжении всей поэмы неизменен.

Мы встречаемся во второй части с чудесным образом матери Егора — Серафимы Петровны, с несколько традиционным, но живым портретом секретаря райкома, с милым, любовно нарисованным образом девушки Ксении.

Недогонов писал о простых советских людях и от имени простых советских людей. Он хорошо назвал свою первую — и, увы, посмертно вышедшую — книжку «Простые люди».

Светлая дорога советской поэзии, верной народу и являющейся выражением его мыслей и чувств, дорога, по которой шел и которую прокладывал вместе с лучшими советскими поэтами Алексей Недогонов, устремлена к коммунизму, как флаг над сельсоветом, как знамя, под которым стоят герои его стихов и поэм.

А. Недогонов. «Простые люди». «Молодая гвардия». 1948. 208 стр.

Вторая книга альманаха „Молодая гвардия“

Готовится к печати второй выпуск альманаха «Молодая гвардия». Книга выйдет в свет осенью этого года — к 30-летию Всесоюзного ленинского комсомола. Эта дата определяет тематическое содержание альманаха, посвящаемого жизни советской молодежи.

В альманахе участвуют молодые прозаики и поэты республик, краев и областей СССР. Многие авторы уже знакомы советским читателям по первому выпуску этого альманаха, вышедшему в связи с Всесоюзным совещанием молодых писателей в Москве. Книгу выпускает издательство «Молодая гвардия».

ДОРОГАЯ ЦЕНА ДЕШЕВЫХ АФОРИЗМОВ

С. ОЛЕНИН

Читательница «Литературной газеты» Т. Н. Первушина из Владивостока прислала письмо в редакцию. Она задает вопрос, на который необходимо ответить на страницах газеты.

«Книг у нас все еще нехватает,—пишет т. Первушина. — Узнаешь о книге, которая должна выйти в свет, и ждешь ее, как праздника. Но вот, наконец, долгожданная книга вышла. Иногда она еще не успевает дойти до читателя, как появляются критические статьи, из которых видно, что книга плохая, а иной раз даже вредная. Так было с «Введением в языкознание» проф. Реформатского, с учебником по литературе для 8-го класса, с поэмой Дм. Петровского «Святослав» и некоторыми другими изданиями.

Но где же была критика до издания книги, которая обошлась в десятки тысяч рублей, над которой честно трудились работники бумажных фабрик, стараясь выполнить добросовестно и в срок заказ издательства?»

Для того, чтобы ответить на вопросы т. Первушиной, — где была критика до издания книги, была ли она? — мы навели справки в некоторых издательствах. Мы узнали здесь, что каждую рукопись обязательно читают два-три квалифицированных специалиста. Их письменный отзыв должен заключать в себе подробное изложение содержания рукописи, ее характеристику, критические замечания и обоснованную оценку. Такой отзыв—это настоящая критическая статья, которая должна своей об'ективной оценкой решить судьбу рукописи. К слову сказать, в последнее время эти так называемые внутренние рецензии оплачиваются наравне со статьями, предназначенными для печати. Казалось бы, что теперь нам легко ответить т. Первушиной: критика до выхода книги есть. Ее осуществляют квалифицированные специалисты. Их ответственный труд высоко оплачивается.

Удовлетворены ли вы, т. Первушина, таким ответом? Думаем, что нет, и представляем себе, как, получив этот ответ, вы пишете нам письмо с новым вопросом: как же получается, что, несмотря на эту квалифицированную критику, после выхода книги иногда выясняется, что она никуда не годится? Для того чтобы ответить и на этот вопрос, мы перелистали пухлую папку внутренних рецензий издательства «Советский писатель». Мы нашли здесь серьезные, обстоятельные рецензии, свидетельствующие о том, что их авторы с большой ответственностью отнеслись к своей работе. Таковы рецензии Е. Книпович, Я. Фрида, В. Инбер.

Но рядом с ними мы обнаружили в этой папке вещи поразительные. Некоторые профессиональные критики, выступая в роли внутренних рецензентов, как будто бы забывают все, чему они учились и все, чему они учат читателей в своих статьях. Так появляются захлебывающиеся от восторга отзывы Л. Субоцкого, П. Скосырева, Н. Замошкина на формалистическую поэму Дм. Петровского «Святослав».

«В «Олеге» (глава поэмы), — пишет П. Скосырев, — Петровский смело соревнуется с «Песней о вещем Олеге». В дерзком этом соревновании он не потерпел полного поражения. Поэму надо издать,— патриотическая, сильная, полная настоящей поэзии, она явится событием в нашей жизни». Читателю, вероятно, известно, что это «событие» отразилось лишь на страницах «Литературной газеты» в статье М. Морозова «Откедова? Откуля?», резко критиковавшей эту поэму, и в статье А. Тарасенкова «Заметки о поэзии» (Новый мир), охарактеризовавшего эту поэму, как рецидив формализма. Никто из нас не вспомнит ни одной критической статьи, ни одного читательского отклика, отметившего выход этой книги, как положительное явление. Но ведь авторы внутренних рецензий — профессиональные литераторы. Почему же они не выступили в печати в защиту горячо рекомендованной ими книги?

Очевидно, потому, что они не принимали всерьез своих восторженных похвал и не допускали мысли, что их можно повторить гласно и публично. В самом деле, можно ли себе представить, чтобы современный критик всерьез выступил в печати с такой, например, похвалой:

«Виртуозно он (Дм. Петровский) владеет всей гаммой песнетворчества, превращением реальности в миф, в символ, здесь он в своей родной стихии».

Допускаем, что Дм. Петровский чувствует себя, как в родной стихии в области превращения реальности в миф, но как возможен в устах современного критика этот возглас, напоминающий времена «Аполлона» и «Золотого руна»? Один из рецензентов спохватился, что, видимо, не все в порядке в этой столь расхваленной поэме. И вот в какой форме он оговорил ее условия выхода в свет: «Замысел поэта чрезвычайно смел... и без предварительной проверки его на читателе выбрасывать поэму на книжный рынок в ее целостном виде... было бы ненужным риском. В самом деле, представим себе, что поэма не дойдет до читателя, будет им не понята, или, что хуже — им отвергнута. Простит ли тогда общественность издательству безмерное расходование средств, бумаги и труда на то, что оказалось читателю ненужным? Не должна простить. Я предлагаю издать сперва лишь первую часть поэмы и, в зависимости от того, какую оценку она встретит, лишь тогда решать вопрос о дальнейшем публиковании всего произведения».

Где, на какой дореволюционной книжной бирже подслушал критик П. Скосырев этот жаргон «выбросить на книжный рынок»? Неужели он не понимает, что потребности и запросы советского читателя — не нечто иррациональное, таинственное, не поддающееся прогнозу? Неужели ему неясно, что роль критика, пишущего внутренние рецензии, и должна состоять в том, чтобы определить не на основании суб'ективных дилетантских оценок, а на основании точного знания, что нужно советскому читателю.

Увы! Дилетантизм, в худшем смысле этого слова, суб'ективно-вкусовые оценки, видимо, свили себе прочное гнездо во внутреннем рецензировании. Вот, например, мнимо-глубокомысленный, а по сути дела, пустопорожний отзыв С. Голубова на роман М. Яхонтовой «Корабли выходят в море».

«В этом произведении, — пишет рецензент, — прежде всего обращает на себя внимание чрезвычайная легкость словесной формы. Поток авторской фразеологии отличается широкой непринужденностью, и это, конечно, очень хорошо. Но то, что он в значительной степени складывается из чисто внешних определений, скользя, главным образом, по поверхности, видимой стороне описываемых явлений, придает роману М. Яхонтовой характер чего-то негрузного, охватного, а в глубину не очень далеко проникающего. Умение автора свободно распоряжаться словесной формой, на мой взгляд, недостаточно содействует разрешению серьезных художественно-идейных задач произведения. Впрочем, может быть, автор серьезных задач перед собой и не ставил. Однако стоит только отбросить эти требования, как становится ясно, что «Корабли выходят в море» — весьма занимательная, умная, историко-осведомительная беллетристика. При таком подходе к оценке романа он почти не заслуживает упреков».

Итак, тов. Голубов положительно оценивает книгу, играючи отбросив «серьезные идейно-художественные требования». Мы не собираемся разбирать здесь роман М. Яхонтовой, но и без этого ясно, что рецензия тов. Голубова—более чем странный способ рекомендовать книгу в печать!

Многие отзывы построены на совершенно порочных идейных посылках. Вот как характеризует книгу «Венгерских рассказов» О. Ровинского критик Л. Субоцкий:

«Общий же уровень книги — уровень среднего и добросовестного очерка, кое-где неряшливого и небрежного по языку, кое-где слишком непосредственно и без достаточной критики отражающего точку зрения собеседников О. Ровинского. Однако очерки очень интересны для советского читателя по своему материалу и очень выгодно отличаются от аналогичных зарисовок Симонова, Полевого, Первомайского и других тем, что в них не ощущается авторской выдумки, они непосредственно и живо передают интересное мнение, настроение, взгляды венгерцев и дают представление о людях Венгрии».

Итак, Л. Субоцкий считает, что эти средние, кое-где неряшливые и небрежные, не возвышающиеся над уровнем собеседников автора очерки превосходят широко известные советскому читателю своей публицистической остротой, своей политической зоркостью очерки К. Симонова и Б. Полевого. Неосновательно расхваливая очерки О. Ровинского, Л. Субоцкий исходит из совершенно ложных, давно отвергнутых нашей критикой представлений об очерке, как о натуралистической фактографии. Можно ли с этих позиций правильно оценить книгу? Разумеется, нет. Тем паче, что характерный для самого Л. Субоцкого дух нигилистического космополитизма помешал ему заметить основной порок книги — низкопоклонство перед иностранщиной, расшаркивание автора перед зарубежным мещанином, об'ективистское воспроизведение чуждых, пошлых высказываний венгерских буржуа, аристократов и прочих. О. Ровинский сам проявил низкопоклонство в своих очерках, а Л. Субоцкий поддержал его. О крупнейших пороках книги справедливо писала «Комсомольская правда».

Главным недостатком внутренних рецензий является поразительная дипломатичность отзывов. Здесь часто похвалы сопровождаются такими оговорками, а хулы такими реверансами, что никак нельзя понять, что же, в конце концов, думает автор рецензии. Рекорд «дипломатичности» ставит П. Скосырев. «Что это, плохие стихи? Нет. Хорошие? Не знаю. Я думаю, что никакой беды не случится, если стихи М. Шехтера будут напечатаны, но, к сожалению, я также думаю, что наша поэзия ничего не приобретет от этого». Можно ли браться за рецензирование, не имея твердых критериев для того, чтобы сказать, что такое хорошо, что такое плохо? Или, быть может, дело здесь не в отсутствии критериев, а в желании сделать так, чтоб и волки были сыты и овцы целы? Но такой политикой недопустимо руководствоваться в литературной критике.

В другой рецензии — о стихах П. Шубина — П. Скосырев пишет: «После выхода книги в свет автору будет самому виднее, что дальше так писать не стоит». Как же можно рекомендовать к печати книгу, которая, по мнению самого рецензента, нужна лишь для того, чтобы автор ее убедился в слабости своих стихов!

Теперь мы можем ответить на вопрос тов. Первушиной. Плохие и даже вредные книги вышли в свет не потому, что их печатанию не предшествовала критика, а потому, что это была формальная, поверхностная, безответственная критика. Вместо партийной оценки, вместо серьезного профессионального разбора достоинств и недостатков книги авторы рецензий зачастую превращают их в собрание глубокомысленных эстетских афоризмов, подбирают каучуковые формулировки, тщательно скрывающие истинное мнение. Только поэтому оказалось возможным, что в папке внутренних рецензий издательства «Советский писатель» суровым укором лежат положительные рецензии проф. Кирпотина на порочную книгу А. Долинина «В творческой лаборатории Достоевского», восторженные восклицания критиков, вызванные «Святославом» Дм. Петровского, «Венгерскими рассказами» О. Ровинского и немало других, дезориентирующих издательство рецензий.

И в конце мы снова хотим вернуться к письму, которым мы начали статью. Тов. Первушина пишет: «Товарищи писатели! Товарищи издатели! Товарищи критики! Книгу ждут у нас сотни и тысячи людей. В каждом уголке нашей необ'ятной Родины есть люди, которые учатся (а учатся у нас все от мала до велика) и которые учат других. Книга нужна им как руководство к действию, как средство повышения знаний, как огромная воспитательная сила! А пока что многие книги пишутся для издателей и издаются для критиков. Пора создать настоящую критику до издания книг, чтобы читателя не ждало горькое разочарование».

Нет сомнения в том, что тов. Первушина права. Слишком дорого стоят нам дешевые афоризмы и двусмысленные оценки внутренних рецензентов!

П. КИРИЛЛОВ

Безответственность

В Саранске вышли первые номера двух альманахов Союза советских писателей Мордовии: «Литературная Мордовия» — на русском языке и «Изнямо» («Победа») — на мордовском.

В письменной литературе Мордовии, которая существует всего 30 лет, успешно развиваются все жанры поэзии, прозы и драматургии.

Созданы интересные произведения, отражающие героическую борьбу мордовского народа на различных этапах социалистического строительства. Так, гражданская война правдиво изображена в повести одного из родоначальников мордовской литературы П. Глухова «Кедровые орехи», в романе Т. Раптанова «Татю», в пьесах Кс. Петровой. Восстановительный период — в творчестве поэта Мих. Безбородова, поэтов Никона Егорова, А. Лукьянова, А. Моро и в рассказах Т. Раптанова, А. Карасева.

Заслуживают внимания новые произведения — поэма А. Мартынова «Мой товарищ», написанная по материалам биографии Героя Советского Союза Ивана Радайкина, пьеса Ал. Карасева «Мы были солдатами», рисующая героический труд женщин на колхозных полях в дни войны и первой послевоенной пятилетки; новая поэма Никула Эркая «Возвращение», по теме и идейной направленности напоминающая «Флаг над сельсоветом» А. Недогонова.

Выпуск альманахов «Литературная Мордовия» и «Изнямо» мог стать событием в литературной жизни Мордовии, но, к сожалению, книги получились плохие.

На страницах альманахов нет ни рассказов, ни очерков мордовских писателей о сегодняшнем дне Мордовии.

Центральное место в обоих альманахах занимает глава из стихотворного романа Андрея Куторкина — «Свидание». В «Изнямо» напечатан отрывок под названием «Од родня» («Новая родня»), а в «Литературной Мордовии» тот же отрывок в переводе С. Пронина озаглавлен «Незнакомая подруга».

Вот строки из этого произведения:

Ветер гнал колосьев — коней стадо,
Нежно ржавших меж собой: «Ша!—Ши!»
Возле леса девичья бригада
Принялася строить шалаши.

Или:

На стерне — что серп — то новый месяц,
К лесу все направили стопы.
И, сказав, «Позавтракаем здеся»,
На лужайку сели у тропы.

Это совершенно недоработанное произведение могло появиться на страницах «Изнямо», вероятно, только потому, что А. Куторкин — ответственный редактор указанного альманаха. Труднее об'яснить причины появления того же романа в «Литературной Мордовии».

Редакция этого альманаха не только опубликовала главу из романа Куторкина, но и об'явила роман «весьма солидным произведением» в статье А. Маскаева «Мордовская литература за 30 лет», помещенной в том же номере.

Роман А. Куторкина в частях, не опубликованных в альманахе, рисует мордовскую деревню в первые месяцы Великой Отечественной войны. А. Куторкин изобразил ее предельно бедной и невежественной. Деревенская молодежь, если верить Куторкину, занимается главным образом флиртом и драками.

На 20 страницах Куторкин описывает красоту героини, чей «сладкий голос зовет парней любить ее», и торжественно сообщает, что, «заставляя любить Нину, как корова, ревет гармонь...»

В прозе «Изнямо» особенно неудачна повесть Эмиля Пятая «Венера». События повести развертываются осенью 1941 года, но героиня и ее «поклонники» — офицеры Советской Армии, мечтают только о любви. Писатель воспевает легкомысленную распутную бабенку, которая в дни Отечественной войны без оглядки меняет мужей и любовников. Автор сводит в одном окопе несколько человек, пострадавших от коварства пресловутой «жрицы любви», для того, чтобы... оправдать ее.

Литературоведческие статьи русского альманаха — «Мордовская литература за 30 лет» А. Маскаева и «Язык прозы Маяковского» М. Петракеева свидетельствуют о недостаточной подготовленности их авторов. В свое время А. Куторкин опубликовал роман «Ламзурь» о восстании мордвы в 1743 году. Антикрепостническое выступление мордовских и смежных с ними русских и татарских деревень автор свел к выдуманной истории неудачной любви руководителя восстания.

Об этом, давно устаревшем романе А. Маскаев пишет: «Ламзурь» — весьма значительное произведение большого художественного полотна (?), рисующее не только восстание крепостного крестьянства, но и характеризующее российское общество середины XVIII века, различные слои населения — начиная от придворных слуг, кончая военной аристократией и представителями церкви; герои поэмы даны с их бытом, окружением, чаяниями, борьбой в сообществе с русским народом и другими народами Поволжья».

Говоря о творчестве другого мордовского поэта С. Вечканова, А. Маскаев разражается по его адресу торжественным панегириком, из которого следует, что творчество Серафима Вечканова не только «идет от Маяковского», но напоминает... Блока и Багрицкого. Чуть ли не всех мордовских писателей критик считает вполне зрелыми мастерами.

Между тем, именно альманахи свидетельствуют о том, что мордовским писателям надо еще много и упорно учиться, работать над своими произведениями, лучше овладеть и родным и русским языком, стать более грамотными политически.

Еще больше это относится к критикам и литературоведам, принявшим участие в альманахах.

Ознакомившись с альманахами «Литературная Мордовия» и «Изнямо», читатель будет очень разочарован, тогда как редакции альманахов имели полную возможность показать достижения мордовской литературы.

Проблемы социалистического реализма

Издательство «Советский писатель» выпустило сборник статей «Проблемы социалистического реализма», подготовленный комиссией по теории литературы и критике Союза советских писателей. Здесь напечатаны статьи А. Фадеева «Задачи литературной теории и критики», Т. Мотылевой «Мировое значение советской литературы», Б. Бялика «Горький и социалистический реализм», Е. Тагера «Горький и проблемы советской литературы», Б. Яковлева «Ростки коммунизма и советская литература», В. Кирпотина «Пафос социального воспитания», Я. Эльсберга «Наши ближайшие предшественники», Я. Фрида «Социалистический реализм и современная декадентская литература». Недавно этот сборник обсуждался в Союзе советских писателей.

Участники обсуждения говорили о серьезности, обстоятельности многих статей сборника, о научной добросовестности авторов, привлекших для исследования широкий историко-литературный материал.

— Главная тема книги, — отметил В. Перцов, — взаимоотношение реализма и романтизма в социалистическом реализме. Можно сказать, что почти все авторы стоят в этом вопросе на одной точке зрения.

Об этом же говорил В. Озеров. Он вспомнил старые книги аналогичного характера. В них еще нередко спор шел не об особенностях социалистического реализма, а о правомерности этого художественного метода. Сейчас же мы анализируем работу дружного отряда исследователей, среди которых нет ни одного противника реализма нового типа. Споры по отдельным вопросам ведутся между единомышленниками, стоящими на общей политической, философской платформе.

Е. Ковальчик подробно останавливается на достоинствах сборника. В нем не просто исследуются те или иные стороны социалистического реализма, но всеми статьями доказывается величайшее превосходство нашего метода искусства над методом буржуазных писателей. Наиболее интересна статья А. Фадеева, ставящая вопросы реализма и романтизма в связи с конкретным творческим путем советской литературы.

— Слабая сторона сборника заключается в том, — сказала Е. Ковальчик, — что идейный противник в статьях не показан по-настоящему. Это снижает боевой, наступательный дух книги. «Академичность» выражается прежде всего в том, что сборник оторван от живой практики современности, в нем не нашла никакого обобщения литература военных и послевоенных лет. Беря для своих примеров классические произведения советских писателей, авторы статей подчас стирают, смягчают, приукрашивают те внутренние противоречия, которые сказывались в нашей литературе и преодолевались благодаря высокой силе социалистической идейности советских писателей.

Е. Ковальчик критикует статью В. Кирпотина «Пафос социального воспитания». Здесь человек растворен в массе, происходит нивелировка личности. С умилением пишет автор о Чапаеве, как олицетворении стихийной массы. Тем самым он игнорирует влияние Клычкова на Чапаева.

Отрицательную оценку большинства выступавших получила статья Б. Яковлева. Автор задался целью показать, как в нашей литературе отражаются ростки нового. Однако он отказался от серьезного, конкретного идейно-художественного анализа произведений. Вместо этого он ищет отдельные цитаты, в которых в той или иной форме употребляются слова «ростки нового».

В. Друзин, В. Озеров и другие говорили об абстрактности многих статей сборника. Художественные произведения здесь только упоминаются, они служат лишь иллюстрацией к теоретическим положениям. Конкретным анализом образов, сюжета, композиции авторы статей обычно не занимаются. Поэтому исчезает художественная ткань произведения, оно теряет свою эстетическую ценность, эмоциональный характер. Все разложено по полочкам в том порядке, который заранее наметил критик.

Об этой же оторванности теоретических рассуждений в сборнике от конкретного идейно-художественного анализа говорил З. Паперный. Если представить себе советскую литературу по статьям сборника, то создается впечатление, что она состоит из абстрактных проблем. Нет анализа человеческих характеров. Когда Добролюбов и Чернышевский спорили с Тургеневым, говорили о его либеральных ошибках, они путем конкретного анализа образов показывали несостоятельность тургеневского героя. Разрешить проблемы социалистического реализма, минуя анализ образов, нельзя. Это обедняет нашу литературу.

Е. Гальперина считает, что в сборнике нет стержня. Основой социалистической эстетики является тема труда, созидания. Сознательное, коллективное созидание новых форм жизни — вот что определяет сущность нашей действительности и, следовательно, сущность нашей эстетики. Из статей выпала тема созидания, и это обедняет сборник.

Н. Лесючевский и Р. Мессер говорили о том, что проблема партийности советской литературы не нашла достаточно глубокого раскрытия в книге.

О расплывчатом характере многих формулировок сборника говорит Б. Костелянец. Положительное, светлое начало — вот критерий подхода ко всей мировой литературе. История литературы делится в книге таким образом: западная литература, которая этого светлого начала не имеет, русская литература, в которой оно пробивается, и, наконец, советская литература, в которой это светлое начало, наконец, пробилось и расцвело. В это понятие у авторов входят самые несовместимые образы — и Лукерья из «Живых мощей», и Катерина из «Грозы», и Чацкий, и Лаврецкий, и Нехлюдов, и Хаджи-Мурат.

Стремление к абстрактному, расплывчатому «светлому началу» — основное кредо либерально-народнических статей. Непонятно, как могло попасть это понятие в статьи наших исследователей.

На обсуждении возник спор о соотношении романтического и реалистического начал в методе социалистического реализма. В. Перцов, критикуя статьи А. Фадеева и Б. Бялика за то, что они преувеличивают значение романтизма, заявил, что в наше время устарело положение Горького об огромном значении романтизма в социалистическом реализме. С ним спорили многие выступавшие.

Б. Бялик считает, что в выступлении В. Перцова сказались путаница понятий и невольное стремление принизить реализм, свести его к реализму на подножном корму.

— С каких пор слово мечта стало плохим словом? — говорит Б. Бялик. — Мы на опыте нашей страны видим, как осуществляются мечты народа. Как же литература сможет отвечать потребностям народа, если она будет чураться мечты?

Опровергая В. Перцова, участники обсуждения все же не дали глубокого, интересного решения волнующей их проблемы, основывающегося на материале современного этапа развития советской литературы.

Авторы сборника — Е. Тагер, Т. Мотылева, Б. Бялик, полемизируя с рядом замечаний участников обсуждения, согласились с основными положениями выступавших.

— Авторы сборника не в меньшей мере, чем критики, испытывают чувство неудовлетворенности этой первой за последние годы работой, посвященной социалистическому реализму, — сказал Е. Тагер.

Т. Мотылева говорила о том, что авторам не удалось активно вмешаться в сегодняшний литературный процесс, не удалось сочетать теоретические проблемы с исследованием литературы, создающейся в настоящее время. Это наиболее серьезное обвинение сборнику.

— В той великой идейной борьбе, которую ведут наша страна и наша литература, очень важно утверждать, раскрывать и отстаивать коренные принципы советской литературы, — отметила Т. Мотылева. — Поэтому хочется думать, что даже те, иногда приблизительные решения проблем социалистического реализма, которые найдены в сборнике, помогут нашему читателю разобраться в советской литературе, лучше понять ее величие, ее новаторский характер.

— Будем романтиками, — сказала Е. Ковальчик, закрывая обсуждение, — и будем надеяться, что за этим сборником последуют новые серьезные и содержательные книги о социалистическом реализме.

Валентин КАТАЕВ

ПОДЖИГАТЕЛИ ВОЙНЫ

Несмотря на гневное возмущение народов всего мира, сегодняшние правители Америки все еще продолжают попытки выдавать свою политику разжигания войны и бряцания оружием за «политику мира» и настаивают на этом при всяком удобном и неудобном случае.

Мы не станем разбираться в том, чего в подобного рода утверждениях больше: провокационных маневров или лжи и надругательства над фактами. В самом деле: один из наиболее ярых поджигателей войны, тоже прикидывающийся, кстати говоря, «миротворцем», — Джон Фостер Даллес открыто провозгласил, что к решениям Ялты и Потсдама «возвращения быть не может». Но этого, оказывается, американским «факельщикам» уже недостаточно. Они готовы «не возвращаться» и к решению Организации Об'единенных наций, которое категорически запрещает вести пропаганду войны, хотя американская делегация и голосовала за это решение, единогласно принятое всеми членами ООН.

Все мы читали представление Советского правительства правительству США, в котором указывалось на то, что появившаяся в журнале «Ньюс Уик» статья командующего американской стратегической авиацией генерала Кенни находится в явном противоречии с резолюцией о запрещении пропаганды новой войны.

Нельзя считать случайным, конечно, что это — не первое, кстати говоря, — выступление военного деятеля, занимающего официальный пост в американской армии, содержащее оголтелые призывы к новой войне, появилось именно в журнале «Ньюс Уик». Ибо журнал этот является рупором одного из столпов Уолл-стрита — «дома Моргана»; к руководству журналом был близок не кто иной, как Аверелл Гарриман, ныне особоуполномоченный Трумэна по колонизации Западной Европы. Нетрудно понять, из каких источников черпают свое людоедское вдохновение генерал Кенни и другие.

Кстати, поговорим и о других. Принятие резолюции ООН, как мы видим, нисколько не затормозило подрывной деятельности провокаторов новой войны. Для своих выступлений они выбирают не какие-либо закоулки политической арены в США. Отнюдь нет! Они выступают в различных комиссиях сената и палаты, и воинствующие конгрессмены не только не прерывают их выступлений, но, наоборот, слушают их со вниманием и почтением. Вопиющим образчиком милитаристического бесстыдства является, скажем, выступление генерал-майора военно-воздушных сил Шеппо в сенатской комиссии по иностранным делам. Этот матерый поджигатель войны в генеральском мундире приволок для большей убедительности с собой в сенат светящийся глобус, на котором наглядно — пальчиком водя! — демонстрировал перед присутствующими... кратчайшие маршруты достижения жизненно важных центров СССР бомбардировочной авиацией США.

Не после этого ли выступления генерал-майора сенатская комиссия отпустила средства на увеличение военно-воздушных сил до 70 полков, хотя правительство требовало ассигнований только на 66 полков!

Американский империализм протянул свои щупальцы в Грецию, Иран, Турцию, Италию, Китай, Корею, Японию, на Азорские острова, на Мальту, в Ливию, в Триполи. Неудивительно, что штатный и сполна оплачиваемый бард американского империализма Уолтер Липпман, наплевав на все решения ООН, без всяких стеснений пишет:

«Американские военные мероприятия должны заключаться в развитии силы для нанесения удара по центрам Советского Союза».

Вот о чем думают заправилы сегодняшней Америки.

Вот каково истинное лицо некоронованных королей США, лицо воинствующего империализма, готового пролить океаны человеческой крови, лишь бы покрепче набить свои карманы золотом. У них все усиливается психоз обогащения. Им всего мало. Они мечтают заграбастать весь земной шар и выжать его, как лимон. Охваченные этой страстью, они слепы и бесстыдны. Вероломство является их добродетелью. А отказ от принятых на себя обязательств — высшей доблестью и правилом поведения.

Напрасно только американские поджигатели войны и их европейские подголоски думают, что суть их политики замаскирована. У свободолюбивых народов всех стран — зоркий глаз и твердая рука! Истерикой и угрозами их не запугаешь и тем более не заставишь отказаться от верности высоким идеалам свободы и прогресса, мира и демократии!

Генералы от дипломатии

Г. ПЕТРОВ

В последние месяцы американские генералы и адмиралы побили все рекорды ораторской выносливости и многословия. Люди в мундирах цвета хаки говорят много, громко и откровенно. Недержание речи переходит иногда в наглость, а иногда — в истерию.

О чем говорят генералы? О чем мечтают?

Военный министр Ройэлл ратует за небывалый для мирного времени военный бюджет в 10 миллиардов долларов и за право вымуштровать американскую молодежь. Морской министр Салливен с пеной у рта агитирует за новые линкоры и авиаматки. Министр авиации Саймингтон требует беспрекословной «свободы воздуха» и воздушных баз, с которых можно было бы бомбить любую точку земного шара... А министр обороны Форрестолл уже рисует у американских берегов злые силы, которые будто бы готовы атаковать и низвергнуть в бездну многострадальные Соединенные Штаты...

Генералам в мундирах вторят генералы в дипломатических фраках. Эти говорят витиеватым языком, подводя как бы «теоретическую базу» под откровенные экспансионистские устремления агрессивной части военщины.

Изменив своей привычке выступать в колледжах, генерал — государственный секретарь Маршалл 28 мая произнес речь перед более чувствительной аудиторией — федерацией женских клубов. Генерал говорил отнюдь не о воспитании детей, не о кухне, а о так называемой «твердой» политике по отношению к Советскому Союзу.

Двумя днями раньше в университете штата Аризона выступал советник государственного департамента Чарльз Болен. Упомянутый Болен, игравший когда-то лишь скромную роль переводчика, теперь расхрабрился и тоже кричит о «самообороне» Америки, которой будто бы угрожает «несговорчивый» Советский Союз.

Таким образом, генералы и дипломаты поют в унисон. Они вместе разжигают военный психоз, подгоняют милитаризацию Соединенных Штатов Америки.

Генри Уоллес недавно заявил: «Генералы говорят, что нам необходимы гигантские запасы металлов для третьей мировой войны. Без военной истерии конгресс не отважился бы ассигновать сотни миллионов долларов металлургическим трестам». Уоллес добавил, что металлургические монополии «содействуют ведению холодной войны, так как она является основным оружием в борьбе за расширение их империи до таких размеров, чтобы она охватывала весь мир».

То, что военные круги США так тесно связаны теперь с американской дипломатией, не является случайностью. Генералы штурмом взяли госдепартамент по приказу из Уолл-стрита, который избрал генералитет в качестве орудия для осуществления своих экспансионистских планов.

* *
*

20 января 1947 года юрист Бирнс подписал в качестве государственного секретаря мирные договоры с Италией, Болгарией, Румынией, Венгрией. В этот же день его сменил на посту главы американских дипломатов генерал Маршалл.

Через год в Америке вышла книга «Милитаризация Америки», в которой приведены поразительные факты и цифры. В этой книге, изданной Национальным советом борьбы против воинской повинности, говорится о возрастающем влиянии военных на внешнюю политику США.

Этому влиянию подвергается прежде всего президент.

Известно, что личным и интимным советником Трумэна по внешнеполитическим вопросам является адмирал Леги. «Бывший посол при правительстве Виши, — пишет журнал «Кольерс», — сопровождает президента почти во всех его официальных поездках и неизменно присутствует на всех узких совещаниях, в особенности на тех, которые происходят на президентской яхте».

Переодевшись в дипломатический фрак, генерал Джордж Маршалл привел с собой в государственный департамент толпу генералов и офицеров, которые быстро выстроили штатских со всех ключевых дипломатических постов.

Заместителем государственного секретаря был назначен бывший помощник военного министра, Роберт Ловетт, которого образно называют начальником штаба государственного департамента. За ним идут помощники государственного секретаря Джон Пэрифуа, окончивший военную академию в Уэст Пойнт, бригадный генерал Чарльз Солтимэн, занимающийся политикой в оккупированных странах. Отдел планирования внешней политики возглавляет небезызвестный разведчик и «специалист по русским делам» Джордж Кеннан, также имеющий за спиной курс военной академии. Бывшие сотрудники группы стратегии и политики при военном министерстве Дин Раск и Чарльз Бонестил заняты теперь «реконструкцией» Европы, а военно-морской офицер Макги является координатором по осуществлению программы «помощи» Греции.

Книга «Милитаризация Америки» утверждает, что почти все отделы и подотделы госдепартамента, вплоть до бухгалтерии, возглавляются ныне полковниками и подполковниками, сменившими военные мундиры на фраки и смокинги.

В госдепартаменте и его многочисленных отделах орудует свора военных разведчиков. Более 800 человек переведено в систему министерства иностранных дел из ликвидированного в 1945 году управления так называемой стратегической службы — одной из основных разведывательных организаций США. Впрочем, разведкой занимаются не только эти профессионалы. В Национальное разведывательное бюро входит сам государственный секретарь генерал Маршалл, а Центральная разведывательная группа этого бюро полностью использует работников информации госдепартамента.

Картина засилия военщины в американской дипломатии была бы не полной, если бы мы не упомянули о том, что среди послов США также имеются генералы и адмиралы. Один из них, генерал-лейтенант Смит, — посол в Советском Союзе.

Нельзя не напомнить о таких чувствительных районах дипломатических разногласий, как Германия, Япония, Корея, где американские генералы Клей, Макартур и Ходж держат в своих руках не только военное руководство американскими оккупационными войсками, но и контролируют американскую дипломатию.

Все эти факты говорят о том, что за полтора года, прошедшие со дня назначения Маршалла, военные круги США настолько прибрали к рукам дипломатический аппарат. Напомним, кстати, что Маршалл разместился со своей свитой в зданиях военного министерства. Теперь уже почти трудно разобрать, где начинается государственный департамент и где кончается генеральный штаб.

О сращивании военщины с дипломатией metko сказал известный американский журналист Иоганнес Стил:

«Господство военного министерства над государственным департаментом в настоящее время полное. Госдепартамент теперь просто дополнение к военному министерству и служит в качестве гражданского камуфляжа. Этот процесс начался немедленно после смерти Рузвельта...»

* *
*

За последние несколько лет в США сменились три штатских государственных секретаря. Не касаясь личных качеств этих людей, справедливость требует отметить, что подписи американских дипломатов были поставлены под такими документами, как Устав Об'единенных наций, соглашения и декларации, выработанные в Москве и в Тегеране в 1943 году, а также в Ялте и Потсдаме. Это были акты международного сотрудничества, основанные на взаимном уважении прав больших и малых народов.

По каких международных соглашений достиг, пребывая на посту государственного секретаря, генерал-дипломат Маршалл? Никаких. Больше того — американская дипломатия беззастенчиво нарушает теперь те соглашения, которые были заключены между великими державами в прошлом.

Первая же сессия Совета Министров иностранных дел в Москве в 1947 году, проходившая при участии Маршалла, окончилась безрезультатно, поскольку американская делегация не хотела пойти на согласие с СССР ни по одному из важнейших вопросов.

Маршалл внес раскол в работу Генеральной Ассамблеи ООН осенью 1947 года, создав реакционный блок из зависимых от США стран-автоматов, выступая против прогрессивных и миролюбивых предложений СССР, проводя политику диктата. И если Генеральная Ассамблея приняла ряд положительных решений о борьбе с пропагандой и поджигателями новой войны, то это является заслугой советской делегации. Проголосовав лицемерно за эти решения, Маршалл нарушает их, поощряя тут разнузданную пропаганду новой войны, которая ведется сейчас в реакционной американской прессе.

Разумеется, такие методы дипломатии Маршалла, как чтение заранее заготовленных шпаргалок и требование беспрекословного принятия любых американских предложений, не могли привести и не привели к соглашениям на международных совещаниях этих полутора лет.

Какой бы международной проблемы ни касалась рука Маршалла, — будь то подготовка мирного договора с Германией, корейский вопрос, австрийский договор или проблема запрещения атомного оружия, — везде попытка диктата, навязывание своей воли другим и как результат — отсутствие соглашений. Американская дипломатия превратилась в дипломатию доллара и вымогательства, она стала агрессивной.

Американский журнал «Юнайтед стейтс ньюс» напечатал статью под характерным заголовком: «США в роли всемирного полицейского». В этой статье прямо говорится: «Обстоятельства вынуждают Соединенные Штаты взять на себя главную часть работы по установлению полицейского надзора над миром... Новая роль полицейского требует активной деятельности такого характера, которой США в прошлом обычно не занимались».

В той же статье, отмечая, разумеется, без сожаления, что «Англия вынуждена отказаться от ряда своих полицейских обязанностей», автор заявляет, что теперь у США «появилась тенденция продвигаться за свои рубежи» и что Америка имеет возможность «обеспечить без содействия какой-либо другой державы полицейский надзор над миром...»

Конечно, всемирному полицейскому не до международного сотрудничества! Ему нужны резиновые дубинки, а соглашения и декларации — в сторону...

Отсюда происходит и гонка вооружений в США, несмотря на решение Генеральной Ассамблеи о регулировании и сокращении вооружений; отсюда отказ от запрещения атомного оружия, как оружия агрессии; отсюда появление плана экономического закабаления Европы, которому присвоено имя Маршалла; отсюда грубое вмешательство в дела других государств.

Чтобы избежать ответственности за тот срыв международного сотрудничества, которые имели место именно по их вине, американские генералы-дипломаты вопят о «несговорчивости» и «неуступчивости» Советского Союза. Однако демократической общественности всего мира ясно, куда гнет американская милитаризованная дипломатия и чего она добивается.

Засилие военных и их влияние на американскую политику вызывает понятную тревогу и в прогрессивных кругах американского общества.

Протестуя против милитаризации Америки, многие американские деятели, об'единенные в Национальный совет борьбы против воинской повинности, не случайно процитировали многозначительные слова Вудро Вильсона, сказанные им в Канзас Сити в сентябре 1919 года. Выдающийся тогда сказал, что если над гражданским правительством «будет доминировать военная машина, которую оно создало якобы для своей собственной обороны, то, независимо от желания правительства, эта машина будет провоцировать войну».

Не менее характерно заявление бригадного генерала Мэррит Эдсона, опубликованное в конце 1947 года. Участник второй мировой войны, награжденный Почетной Медалью американского конгресса, генерал Эдсон в знак протеста против того, что «военные захватывают власть в Вашингтоне», вышел в отставку.

Монополистические и финансовые магнаты США отдали американскую дипломатию на откуп агрессивным военным кругам, выполняющим их волю, их коварные замыслы. Эта дипломатия отгораживает Америку от миролюбивых наций, стремится превратить ее в международного жандарма и агрессора.

На одном аукционе

На 16 июня в Нью-Йорке назначен аукцион для распродажи венгерских ценностей, захваченных в свое время немецкими фашистами. Позднее эти ценности были, в свою очередь, захвачены у немцев американскими войсками. (Из газет).

Кольцо разглядывая, некто
Спросил с сомнением в лице:
— Скажите, мистер, без дефекта
Вот этот камень на кольце?
— Вот этот камень в перстне?.. То-есть,
Могу сказать вам не спроста:
О, если б наша с вами совесть
Была бы, мистер, так чиста!
Едва дыша от ожиренья,
Вся в седине канадских лис,
Уставясь взором в ожерелье,
Сквозь зубы спрашивает мисс:
— Цена?
— Сто тысяч без наживы...
Дешевле всякого овса!
— А этот жемчуг... не фальшивый?
И мисс глядит на продавца.
— Мисс...—продавец с обидой шепчет,—
Не доверяйте — ваша власть!
Но кто бы стал фальшивый жемчуг
Из сейфа банковского красть?
— Ах, он украден?.. Так издревле,
Ведь есть неписаный закон,
Что краденый товар дешевле.
Вам, мистер, этот факт знаком?
— Но, мисс, он дешев по цене...
И он, как это ни печально,
Украден, так сказать, вполне,
Я бы сказал — официально.
Вас, правда, может ждать сюрприз,
Но посоветую вам просто —
Не надейтесь это, мисс,
Идя в венгерское посольство!

Владимир СОЛОВЬЕВ

Аркадий ПЕРВЕНЦЕВ

Американский Геринг

На этих днях перед народами всего мира предстал, как зловещая тень нюрнбергских преступников, открытый поджигатель войны американский генерал Кенни.

Генерал Кенни — отнюдь не просто экзальтированный молодой человек, одержимый манией мирового господства.

Кенни — человек с шедрой колодкой цветных ленточек на мундире, облеченный большим доверием американского правительства. Он командует всеми стратегическими воздушными силами США.

Казалось бы, в силу своего официального положения генерал должен осмотрительно относиться к своим словам, ибо каждое произнесенное им слово расценивается как официальное мнение правительственных кругов США.

Однако сей воинственный командующий уже не впервые подает голос от'явленного агрессора. Мы читали еще в прошлом году истошные призывы Кенни к укреплению баз на Алеутских островах — Семиа, Амчитка и Атту. А месяц назад генерал Кенни разразился клеветнической, погромной речью по адресу Советского Союза в Бангоре перед Федерацией женских клубов штата Мэн. Перед ошеломленными женщинами штата Мэн лихой генерал изобразил нашу страну в виде чудовища, готовящегося напасть на США.

Тлетворным запахом гитлеризма пахнуло на нас от этого разнузданного выступления, опубликованного и прокомментированного 17 мая в американском журнале «Ньюс уик». Кенни нарисовал «коммунистическую опасность», якобы нависшую над Америкой, и с поразительной торопливостью выболтал сокровенные мечты поджигателей новой войны и прежде всего «планы действия» своей стратегической (дальнебомбардировочной) авиации. Эта авиация, по мнению новоявленного американского Геринга, должна «своевременно» совершить воздушный блиц-поход.

Видимо, почувствовав себя в аудитории, которая полностью сумеет оценить его стратегические таланты, генерал Кенни пустился в туманные разглагольствования по поводу провалившейся фантастической доктрины итальянского генерала Дуэ и ее ретивого исполнителя Геринга. С весьма сомнительной военно-академической эрудицией Кенни повторял избитые формулы «машинной войны», продиктованные характерным для буржуазных стратегов боязнью человека, страхом перед массами. «Если мы отказываемся думать, изобретать и усовершенствовать и позволяем себе выставлять людские силы против людских сил,—поучал генерал женщин штата Мэн, — то мы ведем проигрышную войну».

Журнал «Ньюс уик», в развитие мысли Кенни, пишет: «...Когда конгресс окончательно одобрил создание 70 авиаполков, он это сделал, исходя из убеждения, что у Соединенных Штатов есть только два вида оружия для борьбы с миллионами вооруженных солдат России: во-первых, стратегические воздушные силы под командованием генерала Кенни; во-вторых, атомная бомба».

Журнал не рекомендует генералу Кенни направлять против России «тысячи самолетов» — это дорого и рисковано, — а советует воспользоваться более дешевым и эффективным оружием — атомной бомбой: тогда один самолет сумеет нанести большой ущерб.

Впавший в злоречный бред журнал преподносит генералу даже рецепт того, как это делается. «Самолеты вылетали бы из Англии небольшими группами, возможно, по два, по три. Пролетая на высоте 35 тысяч футов, они стремились бы проскользнуть незамеченными в Россию. Их цель, во-первых, Москва и более всего Москва. Затем другие города европейской части России — Киев, Ленинград, Харьков и Одесса».

Перед генералом, бряцающим авиационным и атомным оружием, сидели женщины-матери. Им, больше чем кому бы то ни было, следовало ужаснуться кровавой программе ретивого вояки, поднявшего на арсенала клеветы и провокации самое подлое оружие гитлеризма — пропаганду тотальной войны.

Клевеща на советских людей, на наше социалистическое государство, генерал Кенни признается, что ему вряд ли удастся поднять в воздух собственную авиацию раньше 1953 года, что очень возможно наличие атомного оружия и в России, потому что, дескать, вряд ли в СССР зевали в период до Хиросимы. Таким образом, как мы видим, американскому Мальбруку и хочется, и колется...

Воинственные призывы генерала Кенни возмутительны еще и потому, что он в свое время был представителем США в военно-штабном комитете при Совете Безопасности, принимал участие в работе сессии Генеральной Ассамблеи. Эмблема Организации Об'единенных наций — земной шар, обвитый оливковыми ветвями. Как же решительно генерал Кенни вознамерился изрубить своим палашом эти ветви, изрезать знаменующие мир!

Советское правительство, как известно, в специальной ноте выразило протест правительству США по поводу разнузданной пропаганды войны против СССР, ведущейся в Соединенных Штатах, в частности по поводу статьи в журнале «Ньюс уик», в которой комментировалось агрессивное выступление генерала Кенни.

Советская общественность горячо поддерживает ноту своего правительства и гневно клеймит поджигателей войны. Наш гнев направлен против провокаторов, против нарушителей международного права.

Вторая сессия Генеральной Ассамблеи ООН осудила любую форму пропаганды войны. За эту резолюцию, как известно, голосовала и делегация США. Естественно, что правительство Америки несет полную ответственность за пропаганду войны, которая ведется не только американской реакционной печатью, но и официальными лицами. Правительство США отвечает за гнусные речи генерала Кенни, которому не без основания можно назвать американским Герингом.

Проф. А. ТРАЙНИН

О чем говорят факты

В числе разнородных факторов, заставляющих советских людей с настороженностью относиться к нынешней внешней политике Соединенных Штатов, немалое значение имеют те мероприятия правящих кругов США, которые ведут к возрождению фашизма и всячески поощряют физических носителей нацистского зла.

Советские люди не забыли, разумеется, того, с каким возмущением и с какой ненавистью относился Рузвельт к фашистам всех мастей и оттенков и как он настаивал на необходимости навсегда избавить мир от фашистской угрозы. Такого рода взгляды встречали у нас, советских людей, полное сочувствие и поддержку. Больше того: они содействовали укреплению дружественных отношений между советским и американским народами.

В августе 1945 года на происходившем в Лондоне совещании делегаций СССР, США, Англии и Франции представитель США Джексон активно участвовал в разработке и принятии Устава Международного военного трибунала, учрежденного для суда над фашистскими преступниками. Позднее в Нюрнберге тот же Джексон в качестве главного обвинителя от США требовал, как известно, для всех без исключения подсудимых заслуженной ими суровой кары.

Однако в дальнейшем, по мере усиления влияния американских экспансионистских кругов, руководящие американские круги не только полностью отказались от борьбы против фашизма, но и всячески принялись содействовать его возрождению.

Вот несколько фактов.

В январе 1948 года на Франкфуртском совещании, организованном англо-американскими властями, восседали виднейшие фашистские «фюреры» и от'явленные военные преступники. Среди них был эсэсфюрер Копф, руководивший ограблением оккупированной Польши и занесенный 6 ноября 1947 года заседавшей в Лондоне Международной комиссией по расследованию военных преступлений в список военных преступников под № 1150/6766. Ныне Копф с благословения своих англо-американских покровителей — премьер-министр Нижней Саксонии (британская зона). Рядом с Копфом находился столь же отпетый нацист Рейнгольд Мейер, в свое время пробравшийся Гитлеру путь к власти, а ныне — премьер-министр Вюртемберг-Бадена (американская зона).

Не менее показательно и другое обстоятельство. В американской зоне существует так называемая «черная гвардия» — воинские формирования, комплектуемые из немецких реакционеров и милитаристов, большей частью служивших в рейхсвере. Во главе «черной гвардии», наряду с американскими офицерами, стоит ее «начальник главного штаба», гитлеровский генерал Гальдер, бывший, как известно, при нацистах начальником германского генерального штаба. Мы не забыли, однако, того, что и после первой мировой войны в Германии при попустительстве союзников возникла тайная организация «Черный рейхсвер», куда входили отпетые реакционеры и палачи демократии. По сейчас «черная гвардия» ведет себя — с благословения американских властей — еще более откровенно и нагло, не скрывая при этом ни своих планов, ни имен и адресов своих покровителей.

Наконец, мне особенно трудно пройти мимо еще одного факта — более общего и потому еще более показательного характера. В апреле этого года в Нью-Йорке происходили заседания комитета, разрабатывавшего конвенцию по борьбе с чудовищным злодеянием так называемого геноцида, организованного гитлеровцами и направленного к физическому уничтожению расовых и национальных групп.

Советскими делегатами были внесены весьма серьезные предложения, обеспечивающие реальную и эффективную борьбу с геноцидом. В этих предложениях особо и совершенно справедливо подчеркивалась органическая связь геноцида с фашизмом. Представитель США голосовал против этого совершенно неоспоримого утверждения на том основании, что такая постановка вопроса якобы выходит за рамки работ комитета...

Вряд ли следует доказывать, что такая позиция американских реакционных кругов в отношении нацистской угрозы, для искоренения которой народы СССР принесли столько жертв, серьезно мешает укреплению дела мира.

В Союзе советских писателей СССР

«ДВОЕ В СТЕПИ»

Военная комиссия Союза советских писателей совместно с секцией прозы провела обсуждение повести Эм. Казакевича «Двое в степи», напечатанной в пятом номере журнала «Знамя».

Повесть дает материал для большого и плодотворного разговора. Но, к сожалению, такой разговор не состоялся.

В своем вступительном слове А. Чаковский поднял ряд интересных, значительных вопросов, но они не получили развития в ходе дискуссии. Герой повести, лейтенант Огарков, — говорил А. Чаковский, — показан в процессе искупления преступления, в условиях резко индивидуальных. И всегда, при самых тяжелых условиях, Огарков остается самим собой, остается советским человеком. Но все же главная проблема повести, в основу которой положен сюжетный анекдот, не связывает ли здесь развитие характеров? Не слишком ли плоское дно у этой повести по сравнению со «Звездой», которая радовала читателя именно своей органичностью, глубиной?

Полезные замечания о фактических неточностях и ошибках в тексте повести сделали генерал-майор Дунаев, полковник Розенблит, полковник Фадейкин, полковник Барабанщиков, капитан Гончаренко.

Выступления А. Дермана, Ф. Левина и Л. Субоцкого были аналогичны и вполне неконкретны. Они высказали общие положения о качествах повести, положения, которые можно переадресовать любому талантливому произведению.

Так, А. Дерман отметил, что повесть «Двое в степи» захватывает безраздельно читателя, что она написана в результате очень большой работы мысли, что суровые, властные образы на всю жизнь врезаются в память, что повесть написана в лучших гуманистических традициях нашей литературы.

Трудно соглашаться или не соглашаться с такого рода общими положениями. Более конкретным, но спорным было выступление Д. Данина. На заключение В. Ардаматского, что в повести Эм. Казакевича поступки героя определяются не его внутренним миром, а ситуацией, Д. Данин возразил, что исключительность ситуации здесь лишь помогает выявлению характера героя. По мнению Д. Данина, идея повести — идея внутренней свободы советского человека.

Очень тепло приветствовал Д. Бергельсон новую повесть Эм. Казакевича. Однако он полагает, что писатель пошел по линии наименьшего сопротивления, что его предельно готовый, замкнутый сюжет, а весь сюжет должен формироваться идеей писателя, должен быть частью его души.

В конце заседания выступил Эм. Казакевич, который рассказал о трудностях работы над новым материалом и поблагодарил выступавших за сделанные ему критические замечания.

Юбилей театрального критика и драматурга

В нынешнем году исполнилось 30 лет литературно-театральной деятельности Осафа Семеновича Литовского — театрального критика, драматурга, журналиста, общественного деятеля.

8 июня в Центральном доме литераторов на вечер чествования юбиляра собрались друзья О. С. Литовского — московские писатели, работники театра.

Открыл вечер и приветствовал О. С. Литовского от имени президиума Союза советских писателей Л. Леонов. Сообщение о литературно-театральной деятельности юбиляра сделал И. Крути. С приветствиями выступили: В. Пименов (начальник Театрального управления Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР), П. Антокольский, А. Крон, З. Дальцев (ВТО) С. Бирман, Л. Славин, И. Альтман, группа актеров Московского театра драмы и комедии и другие. О. Леонидов зачитал приветствия, поступившие от московских писателей, газеты «Советское искусство» и других организаций.

Конференция о комедии

14 июня в Центральном доме литераторов открывается творческая конференция московских драматургов и деятелей московских театров о путях развития советской комедии. Вступительное слово сделает председатель Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР П. Лебедев. На конференции намечены доклады Н. Акимова, Н. Петрова, А. Софронова.

Конференция продлится два дня.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники и отдел писем — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б — 01748